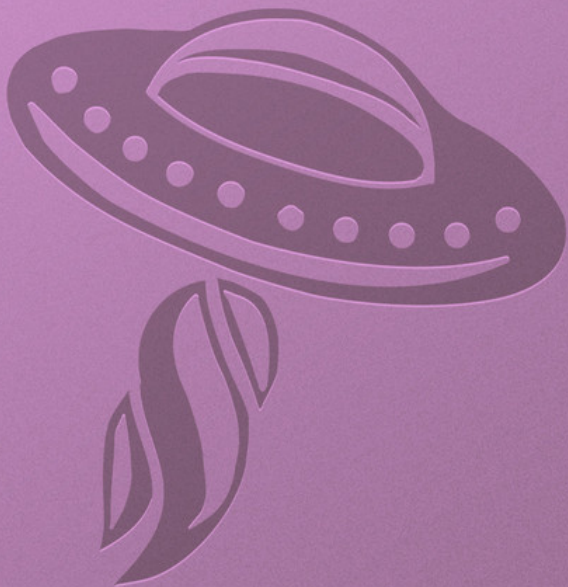


Марик Лернер

Победителей судят ПОТОМКИ



Марик Лернер

Победителей судят потомки

Серия «Цель неизвестна», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18957604
Победителей судят потомки: Издательство Альфа-книга;*

Аннотация

Я хотел слегка улучшить человеческое существование и, в частности, в родном государстве. Начнем развиваться раньше, легче перейти барьер двадцатого века с его катаклизмами. Не хочу величия для империи. Когда она становится излишне могучей, соседи объединяются против и все эти наполеоны, гитлеры рушатся с грохотом, погребая под обломками величия собственные народы.

И после многих лет тяжелых трудов, когда помимо прямых обязанностей приходилось интриговать, подсиживать и врать, не просто указали на дверь. Еще и норовят все достигнутое уничтожить, вернувшись к прежнему состоянию. Нормально ли терпеть в надежде, что прогрессивные начинания уже не остановить, или правильное вмешаться в происходящее?

Содержание

Часть первая. Будни опального вельможи	4
Глава 1. Былое и настоящее	4
Глава 2. Почти внучка	27
Глава 3. Реформы и последствия	46
Глава 4. Императрица Анна	66
Глава 5. Заговорщик в золотых погонах	86
Глава 6. Теология государственного типа	115
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Марик Лернер

Победителей судят потомки

Часть первая. Будни опального вельможи

Глава 1. Былое и настоящее

– Неприятель быстротою наших движений был свыше крайне удивлен, – возбужденно говорил поручик Армфельд на вполне приличном русском языке. Высокий, симпатичный молодой человек. Типичный викинг, белобрысый и могутный. Токмо в мундире нового образца Второго Московского полка. Очень доволен, что свел столь полезное знакомство, а не болтается в тыловых частях.

«Свыше крайне» – это мелочь. Мне так на шведском вряд ли удастся скоро объясниться. Да и не рвусь, откровенно говоря. Напротив, демонстративно требую обращаться по службе на государственном русском, сиречь имперском. В свободное время и дома можешь изъясняться хоть на китайском наречии, но желающим делать карьеру придется постараться всерьез. Причем не моя якобы блажь, а императри-

цы. Она старательно изображает самую русскую из всех русских, избирательно забыв отца, но подчеркивая происхождение от родных берез. Многие очень хорошо поняли намек, когда она отказалась беседовать с гвардейскими офицерами по-немецки.

Дворянство балтийских провинций и Шведского королевства согласно привилегиям, полученным при завоевании и подписании унии, не было обязано служить. Однако если кто-нибудь из них поступал в армию (кроме шведских полков, хотя и там высшее офицерство не могло обойтись без русского, а значит, и в генералы без него не попадешь), то с недавних пор на тех же условиях, что и прочие подданные. Включая необходимость знания языка страны и ведения на нем документации. Иначе продвижение становилось достаточно сомнительным.

Ничего ужасного не произошло. Многие благородные шли воевать вовсе не от горячего характера. Все больше по причине бедности и плодovitости родителей. Кое-кто гордо отказался следовать правилам и отправился за границу, но сомнительно, что там они получают больше. По мне, умные и проявляющие рвение без малейших сомнений способны за пару лет научиться если не трактаты научные писать, так командовать на языке страны, которой даешь присягу. А если нет, то нужны ли России такие остолопы?

– Мы маршировали к Мемелю со всей возможной скоростью, – продолжал Армфельд, – избавившись даже от мно-

жества нужных вещей, например осадного парка орудий. Его подвезли позже на кораблях.

Эти сказки стоило бы рассказывать кому другому. Мне лично пришлось подгонять в очередной раз неизвестно почему заосторожничавшего Ласси. Во всей Восточной Пруссии было всего три крепости: Пиллау, Мемель и Кенигсберг. Сколько-нибудь важное значение имел только Кенигсберг, защищенный непрерывным поясом укреплений с тридцатью двумя бастионами, цитаделью и отдельным фортом Фридрихсбург.

Вместо стремительных действий армия толпилась у дыры под названием Мемель, где всего гарнизона один батальон. Восемьсот человек, включая ополченцев, против шестнадцатитысячного осадного корпуса и при полной блокаде с моря. Не имело ни малейшего смысла держать здесь все войска, вполне хватило бы и половины того, а остальных, в особенности казаков с калмыками, лучше было использовать для других целей. Еще и после обстрелов выпустили гарнизон с почестями, пусть без оружия и имущества.

Не понимаю фельдмаршала и его поведения. В Швеции действовал в лучшем виде, под Азовом тоже удачно. А в Крыму и Пруссии его будто подменили. Фридриха, что ли, боится? Так он сейчас занят в совершенно ином месте. Фактически бросил на произвол судьбы и Восточную Пруссию, и Померанию. Восточная Пруссия бедная страна, с песчаной почвой, болотами и слабо заселенная, и не здесь его устрем-

ления. В ней едва насчитывалось около пятисот тысяч жителей.

Разве дело в черноземе? А для нас с Анной Карловной завоевание здешних земель чрезвычайно важно. Взяв эти земли, Россия получает два незамерзающих порта на Балтике – Мемель и Кенигсберг, подходящие для содержания и военно-морского, и торгового флота. Практически вся польская и литовская торговля идет через Кенигсберг и в меньшей степени Данциг. В этом случае даже «щедро» уступленные Австрии коренные ляхские земли станут платить пошлину империи.

Упустить такой лакомый кусок было бы непростительной ошибкой. Мы надеемся закрепить свои права на оккупированную землю по заключении всеобщего мира. Именно поэтому я вынужденно бросил все хозяйственные дела, плюнул на варшавский комфорт (действия немногочисленных повстанцев не в счет, они в лесах) и отправился наводить порядок в северной армии.

Ласси вообще не очень рвался изначально за подвигами, пытаясь отбрезаться местными делами и недостаточным контролем за уже занятой литовской территорией. В принципе так и есть. Добрую половину корпуса пришлось раскидать гарнизонами, а существуют места, где русских солдат до сих пор не видели и вряд ли подозревают о смене власти. Правда, здесь и на Украине население все больше поддерживает нас и особых проблем нет. Все же православные

в подавляющем большинстве, и даже магнаты не пытаются организовать сопротивление. Тут не Польша, где пришлось выдержать несколько серьезных столкновений, прежде чем загнали в леса остатки отрядов недовольных дворян. Только Австрия требует оплатить кровью захваты, и для России данное вторжение лучший вариант.

– При вступлении в город командующий приказал отслужить в лютеранской церкви благодарственный молебен. Затем чиновникам и всем жителям города пришлось принести присягу на верность императрице Анне.

Я невольно покосился на рассказчика. Густав Армфельд не может не испытывать смешанных чувств по данному поводу. Семейство его, как и Врангели, достаточно разветвленное и многочисленное. Лично он проживал на отошедших к России финских территориях, по крови швед и не так давно тоже вынужденно клялся в верности новой власти. Полагаю, с одной стороны, он доволен – не им одним пришлось ради сохранения владений от конфискации склонить голову перед русскими. С другой – поступив на службу, не против повоевать, а здесь ничем отличиться не удалось. Штурма не случилось, только артиллерия лупила по Мемелю.

– Имелись недовольные и отказавшиеся? – спрашиваю.

Все чиновники, все пасторы окрестных приходов, все обыватели мужского пола старше пятнадцати лет, независимо немецкого или литовского происхождения, должны принести присягу. Ответ мне известен, но любопытно его отно-

шение.

— Многие разбежались еще при появлении первых наших разъездов. Боятся. Потом реквизиция лошадей и припасов мало удовольствия доставляет бюргерам и крестьянам. Фуржирующие иррегулярные кавалеристы не особо сдерживаются.

В переводе это означает: мародерствуют казаки с калмыками. Странно от них чего другого ожидать. Приятного мало, когда имущество отбирают. Но это уж как водится. На войне кормятся за счет противника, и мало кто осуждает подобное. Фридрих и сам не без греха.

— В Тильзите сразу согласились открыть ворота, мы и дойти до города не успели. Нижайше просили фельдмаршала взять под свое покровительство.

А вот это новость. Видимо, гонцы в дороге меня не обнаружили. Хотя не сказать уж очень неожиданная. Видать, навели калмыки шороху. В пути через российские земли их сопровождали специально выделенные подразделения, чтобы не баловали. А здесь, похоже, развернулись во всю степняцкую ширь. Немцы теперь готовы и молебны служить во славу русского оружия, лишь бы не грабили.

Армфельд хотел что-то добавить, но замолчал, повинувшись моему жесту. Мы оба прислушались. По дороге мы неоднократно обгоняли обозы и войска, но выстрелы и так часто раздавались в первый раз. Я обернулся к сопровождающим, и, не дожидаясь команды, мои казачки понеслись вперед, вы-

яснять подробности. Драгуны конвоя, напротив, приблизились, окружая стеной.

– Кажись, пруссаки идут навстречу, – доложил вернувшийся казак. – Барабаны бьют.

– Что значит «кажись»?

– Туман, ни черта не разобрать.

Я пришпорил коня и понесся вдоль длинной колонны людей, выстроившихся на лесной дороге. Если армию подловили на марше специально, ничего хорошего впереди не ждет. Называется, прибыл с проверкой в штаб. Угодил в самую раздачу.

Пытаясь хоть что-то понять, осматриваю окрестности. Все поле предстоящей битвы, окруженное лесом, покрывал туман. Видимость не дальше версты, зато слышимость замечательная. Действительно, под хорошо знакомый бой барабанов надвигаются вражеские полки. Единственное, не видать, сколько и откуда. Совсем не ясно, где находится командование и что оно собирается приказывать. Как утверждает Генна, карма у меня, видимо, такая. На полном ходу въезжать в неприятности.

Искать фельдмаршала в этой ситуации – глупее не придумаешь. Он наверняка и сам не в курсе, кто и где находится. Почему вперед не выслали разведку, разбираться стану потом. Если уцелеем. Но после этого не то что отстранить от командования, по-честному под суд положено отдавать, а не смотреть на его седины и былые заслуги. Расслабился, уве-

ренный, что пруссаки не пойдут вперед, опасаясь высадки с кораблей в тылу.

Все! Некогда пытаться сваливать ответственность на других, пора принимать решение. И я принялся раздавать приказы, рассылая во все стороны вестовых. Армфельду гнать на полной скорости вперед свой полк. Казаки, сколько удастся собрать, и драгунский полк, застывший в ступоре, отправить для прикрытия. Их неминуемо сомнут, если сюда за явился весь прусский корпус, включая померанские части, но это дает возможность оттянуть время и подготовиться.

Вологодскому, Суздальскому и Выборгскому полкам занять высоту, господствовавшую над западным дефиле. Поставить там всю артиллерию, имеющуюся под рукой, невзирая, своя или чужая. В этой неразберихе каждое жерло на счету. Угличскому встать на дороге, давая возможность подойти Московскому и другим отставшим подразделениям. Я сам этим займусь. Плевать мне на звания! Я генерал-фельдмаршал Ломоносов! Выполнять приказание! Вот это уже лучше, мысленно улыбнулся я, глядя на поспешно садящихся на коней старших офицеров.

Кавалерия! Господибожемой, где вся наша кавалерия?! Не могу я парой тысяч отбросить противника!

– Чего они тянут? – с раздражением спросил кто-то рядом.

Будто в ответ ухнули орудия, добавив дыма в рассеивающийся туман.

Глядя на вражеские построения, с облегчением думаю:

радоваться надо, а не ныть, что пруссаки воюют по уставу. Конечно, ядра не очень приятная вещь, но могло быть много хуже. Сначала канонада, затем атака конницы, и лишь потом вводится в бой пехота. Похоже, они сами растерялись, не ожидая сойтись с нами на встречном марше. Потеряли темп и не раздавили сразу. Впрочем, еще не поздно. Мы фактически разорваны на две группы, и не меньше трети до сих пор болтаются на дороге позади.

Запели знакомо трубы. Вражеские всадники неслись, выныривая из тумана, с топотом, от которого задрожала земля. Кирасирские полки – тяжелая конница. Пластины на груди, огромные битюги. Нашим кавалеристам не удержать удар. И не надо. Если я чему-то научился на войне, так это борьбе с атакующей кавалерией. Ружейный и артиллерийский огонь лучшее из возможных средств борьбы с такими героями.

Русская легкая конница поспешно разворачивается, уходя из-под удара и открывая противника для обстрела. Все как договорено. Тем более я не требовал от казаков умирать. Напротив, важнее внушить уверенность врагу. Сейчас на высоте уже готовы. Наше секретное оружие – набитый пулями шар, взрывающийся на подлете, – пока никто не сумел повторить. Ходят слухи, у англичан налаживают производство, но до войск еще не дошло в приличном количестве. Да и не противники нам островитяне на данный момент. Сейчас запальные трубки уже нарезали на разную длину для отдельных дистанций, и пруссаки наконец вкусят угощения.

Первые выстрелы не произвели особого впечатления. Ни мощи, ни кучности. На самом деле это пристрелочные, чтобы определить ориентиры. Недолет, перелет, попадание. Стена кирасир даже не заметила происходящего. И тут грохнуло. Взрывы снарядов выше и перед строем выбивали жуткие бреши в катящейся лаве. Еще один залп. Лошади ржали от боли и падали, всадники вылетали из седел. Все это образовало немалый завал, о который споткнулся железный поток. Часть кирасир принялась обходить образовавшийся барьер с флангов, остальные затормозили и завязли в куче мертвых и истекающих кровью тел. Тут их накрыл очередной орудийный залп, добавив сумятицы в происходящее.

Наперекор потерям и трудностям пруссаки продолжали двигаться вперед. Может, их не за что любить, однако точно стоит уважать. Уже становится опасно бить по атакующим из орудий, недолго и своих зацепить. Пушки и так изрядно проредили вражескую конницу. Пришло время для ружей.

– Первая шеренга – на колена! – скомандовал полковник рядом.

Сейчас наступил момент, когда мое вмешательство излишне и мешает. Пусть отдают приказы те, кому положено. Они и людей своих лучше знают.

Вторая шеренга изготовилась к выстрелу, первая застыла, ожидая приказа сменить и загораживая товарищей поднятыми штыками. Большинство лошадей на острия просто не пойдет. А кто посмеет погнать своего коня на пригото-

вившийся строй, долго не заживется. Маневр давно отработан, и не только я умею отражать атаки всадников в каре. Все отлажено на тренировках и проходит без суеты и заминок. Угличский полк не из худших будет, и надо потом отметить в приказе независимо от результатов сражения.

– Приготовиться!

Противник все ближе. Огромная неразличимая масса всадников с обнаженными клинками, воющая в готовности смять и убивать.

– Не стрелять! Ближе, еще... Огонь!

Шеренги взорвались огнем и свинцом, уничтожая опасность. Снова падают лошади и валятся на землю люди, застигнутые в последний момент. Первая шеренга буквально исчезла, загроможда путь следующим, невольно врезавшимся в огромную кучу. Лошади вновь кричали, ломая ноги, а пули на таком расстоянии не могли остановить и кирасы. Те, кто оказались под копытами могучих коней, очень пожалели, что не погибли сразу.

Атака захлебнулась, уцелевшие уже не пытались смять массой, а уходили на фланги, но в лес соваться было опасно. Тем более оттуда тоже постреливали, пусть и не сильно. Похоже, Московский полк на подходе. Кирасиры проверять количество злых русских солдат не стали и начали отход, вторично угодив под орудийный обстрел и теряя товарищей.

Первый раунд мы свели вничью. Это далеко не победа, но кавалерия попала в ловушку и понесла серьезные поте-

ри. Да и боевой дух пруссакам изрядно подпортила артиллерия. Теперь уже по нам заработали пушки, пробивая бреши в рядах. Наши орудия отвечали, но у пруссаков больше стволов, и заткнуть их совсем не просто. Счастье, что пока ядра все больше пропадали попусту. В основном перелеты. Только это ненадолго.

В районе второй группы по-прежнему свалка. Кажется, их все-таки сбили с позиций. А помочь я ничем не могу. Теперь вперед пошла вражеская пехота, и нас продолжали долбить ядрами. Самый страшный момент. Ты не можешь никуда уйти, неподвижно ждешь очередного гостинца. Рядом падают хорошо знакомые люди, кричат искалеченные, а ты стоишь столбом. Только и остается, что вспоминать названия: Ростовский, Вятский, Черниговский, Муромский, Нижегородский, Апшеронский, Воронежский полки. Дать слабинку и отойти из-под обстрела в лес – это позволить нанести удар им во фланг. Нельзя! Надо стоять!

И тут в меня ударило ядро, снеся по пути голову казаку, держащему поводья. Я с хрипом подскочил, сев на кровати. Сердце стучало со страшной скоростью, спина вся мокрая... Сразу и не сообразил, где нахожусь. Ей-богу, тогда спокойнее отнесся. Точнее, просто ничего не понял. Вот сижу и изучаю обстановку – а через мгновение валяюсь на земле. Столько лет прошло, а все трясет. Почему никогда не могу проснуться и вечно дергаюсь? Ведь помню прекрасно: сон. Пусть и реальный, о взаправдашнем, да былое.

– Опять? – озабоченно спросила Стеша, приподнимаясь рядом. – Ядро?

– Да. Снова пришло.

– Все хорошо, – глядя меня по голове, как маленького ребенка, говорит. – Было и прошло.

– Ну да, – уже спокойнее бормочу, – нога снова болит.

Тогда, почти тридцать лет назад, сломал на совесть. На счастье, ничего не оторвало, прямо в жеребца угодило. До сих пор его жалко. Ухоженный и дорожный. Специально под меня не хуже кирасирского подбирали. Вот он своей тушей и устроил радость на всю оставшуюся жизнь. В тот момент я имел даже силы и наглость с носилок отдавать приказы. Я же начальник! Полководец! Подвиги совершаешь в момент текущего из ушей адреналина, а потом остаток своих дней жалеешь, почему сразу не лег на лечение.

Хорошо еще гипс своевременно наложили. Это не морфий с эфиром, удобный способ сращивания костей быстро пошел в медицину, и даже простой народ оценил. Так потом и прыгал на костылях по Кенигсбергу. А теперь на погоду ныть регулярно начинает. Хуже того, сон в последнее время снится. И в подробностях, будто сызнава в бой угодил. Хочу, но ничего изменить не могу. Даже не выдержал и в церковь сходил. Помолиться. Пользы ноль. Вреда, впрочем, от сей частенько появляющейся неизвестно зачем картинки тоже не наблюдается.

– Так не мальчик уже, – сказала Стеша ласково, – у кого

в этом возрасте ничего не болит.

– Утешила! – сердито восклицаю, отталкивая ее. – Лучше бы промолчала. – И принимаюсь искать ногой тапочки возле кровати, чтобы встать.

В умывальной комнате с недоумением уставился в большое зеркало. Господибожемой... Вот эта опухшая со сна рожа – я. Чтобы рассмотреть подробно, надо приблизиться. Зрение без очков уже негодное. Шестьдесят четвертый год пошел. Старый, с заметным брюхом, которое легко отрасить, но почти невозможно избавиться заимев и седой. Трое сыновей, не считая дочки, по-прежнему официально числящейся моей племянницей. Кроме Юрия, у всех уже свои дети. Мои внуки и внучки, стало быть.

Ничего удивительного, выросли дети. Иван Михайлович третий человек на Кавказе после генерал-губернатора и Суворова. И командующий его ценит не за происхождение. А я ведь прекрасно помню Ваню маленького. Как будто вчера на руках держал. Я имею внуков! Ну совершенно не чувствую себя пожилым. Я еще о-го-го. По крайней мере в мыслях. Как был в иных отношениях мальчишкой, так и остался.

Неужели все старики в душе всего лишь постаревшие мальчишки и девочки? Ой, не верю. Это от характера зависит. Мало, что ли, видел молодых со стариковским поведением? Хм... А я ведь по прежним законам уже пенсионер. С шестидесяти вроде, или срок увеличили... не помню. Последнее время стал задумываться о пользе незнания. Ну вот сиди

у меня в памяти точная дата смерти господина Ломоносова, счастья бы это точно не добавило.

Дни текут, незаметно уходят годы, и приходит ужасная мысль о скорых похоронах. Натурально страшно. А сейчас я просто живу и не в курсе приговора. Завтра? Послезавтра? Через пять лет? Лучше не ведать и радоваться настоящему. Тем паче я не уверен в совпадении сроков. Иначе себя веду, наверняка по-другому питаюсь и старательно слежу за здоровьем, благо могу позволить себе выписывать лучших докторов, а их рекомендации внимательно изучать, заодно прислушиваясь к советам Павла.

Я, конечно, почетный академик всех существующих Академий наук, но давно уже страшно отстал от развития лечебной премудрости. То есть кое-что соображаю, но предпочитаю помалкивать в основном. Вступать в споры глупо, проще не выполнять указания. А Павел по-прежнему в теме. Его институт жутко разросся и давно обскакал лучшие мировые университеты с их медицинскими факультетами. У моего старого приятеля куча отделов, лабораторий, три десятка сотрудников и больше сотни технических работников, не считая обслуги. Приличных размеров деревня.

Совместными усилиями наших как молодых, так и заслуженных российских исследователей выработаны в высшей степени стандартизованные методы проведения экспериментов на животных, в частности на белых мышах, охотно демонстрируемые всем любознательным и публикуемые для

врачей.

Именно доктора и были нашими главными противниками при вакцинации. Возмущенные вторжением в область, которая, по их мнению, была недоступна пониманию тех, кто не окончил соответствующего учебного заведения, они поливали наше общее дело потоками оскорблений и клеветы. А Павел работал и работал. Оспа, дифтерит, бешенство, столбняк, сыворотки от змеиных ядов, геноцидные бактериальные мази. Невзирая на летящие годы, одержимо пялился в микроскоп и ставил сто тысяч первый опыт, перепроверя полученный положительный результат.

После эпидемии чумы на юге Анна Карловна всерьез озаботилась и повелела заняться и этим, выделив солидные средства. Павел приехал в Крым с готовым планом действий. В маленькой лаборатории чумные культуры подвергались поочередно самым жестким воздействиям. Их глушили химическими веществами, травили всевозможными гадостями, подогревали, высушивали. Два года кропотливого труда. Одно дело теория, другое – предохранительная вакцина от чумы, которую никто никогда прежде не изготавливал.

Закончилось это тем, что он сделал себе прививку противочумного препарата. Повторил мой «подвиг». Только в отличие от оспопрививания никакой гарантии Интернет дать не мог. Как позже выяснилось, запросто мог и помереть. Из двух тысяч первых привитых сорок скончались. Зато из не получивших вакцину погибало трое из четверых. Результат

более чем положительный. Теперь каждая собака в Европе знает про теорию Ломоносова о микробном происхождении болезней и его замечательные слова: «Если в организм человека ввести убитых или ослабленных болезнетворных микробов, то в нем выработаются сопротивительные силы, образуется иммунитет, невосприимчивость к данному виду микробов...»

И второе утверждение пока никто не опроверг: «Тот или иной фактор может считаться причиной заболевания, если удовлетворяет по крайней мере трем условиям: присутствует в заболевшем, может быть выделен из заболевшего и способен передавать болезнь при введении вторичному хозяину». Правда, Павел тихонько поправляет, надо писать дополнительно «животного» вместо просто «присутствует» или «заболевшего». Это мелочь. Человек тоже животное, и принципиально мои слова не опровергаются. Некие тонкости, не столь важные. Тем более обе словесные формулы выведены самостоятельно, без чужих идей.

Другое дело правильное выполнение методик и технологии производства. Хватало случаев, когда вместо спасения людей заражали по глупости и неумению. Тем с большим уважением относятся нынче к Институту России. Вот так скромненько называется. Тем более что добрую часть бюджета теперь получает от государства. Давно уже не идет речь о прибылях. Люди важнее.

А мне не обидно, что он достиг многого. Я не про орде-

на и дворянство. Сам не хуже. Правда, в другом смысле. Ту же Восточную Пруссию не зря брал. Теперь она навечно губерния империи. Не знаю, как бы повернулось, не окажись я там. Ласси в очередной раз захотел быть добреньким. Он был готов согласиться на предложение делегатов от Кенигсберга. Те, понимаете ли, щедро предлагали оставить им все существующие льготы и вольности, а заодно победитель может брать только те товары и имущество, которые принадлежат прусскому государству. Будто от лица неприступной крепости говорят, а не просят милости для беззащитного перед лицом врага города.

Мы на поле сражения удержались только благодаря своевременному подходу частей под командованием Ломана. Не зря Армфельда посылал. Но и потеряли убитыми добрых четыре тысячи человек и не меньше десяти тысяч ранеными. Пруссаки даже больше, однако это слабое утешение. Зато они, не добившись успеха, моментально очистили всю Восточную Пруссию. Никаких сил цепляться за землю после девятичасового кровопролитного боя уже не имелось. А к нам могли подойти подкрепления из Литвы.

– Пора бриться, Михаил Васильевич, – заявила Стеша, появляясь в дверях.

– Только тебе и доверяю, – соглашаюсь, принимаясь наконец мыться.

С какой стати Россия не должна была получать с завоеванных земель рекрутов, налогов и прочих контрибуций? Фри-

дрих не стеснялся драть с подданных на ратные нужды. А мы чем хуже? Любые военные действия надо совершать в максимальную силу и упорно ломить к цели. Естественно, она должна быть достижимой. Нельзя пытаться маршировать на Париж, имея возле Вислы четверть боеспособной армии. Позднее ловить интерес поближе.

Я позволил желающим уехать, увозя вещи и личные ценности. То была максимальная льгота. Под сенью двуглавого орла провинция не имеет права получить лучшие условия, чем под одноглавым гогенцоллернским, и тем более чем русские провинции. На общих основаниях, господа.

Жители городов должны были принести присягу на верность российской императрице. Каждый произносил слова, зачитанные пастором, и подтверждал своей подписью добровольное согласие. К больным приходили домой. Такая же процедура соблюдалась по всей провинции, и во время публичных богослужений имена Фридриха II и кронпринца заменили именами императрицы Анны и великого князя-наследника.

Со временем и еще кое-кто уехал, особенно когда подписали мирный договор и стало ясно, что положение сохранится навечно. Даровать прибалтийские привилегии на манер Петра Великого никто не собирался. Мало того, после окончательного согласования границы сюда массово переселяли казенных крестьян из России. Не самые лучшие территории, но требовалось создать лояльную опору для власти. На кон-

фискованных у здешних не желающих оставаться дворян и чиновниках землях, а также пустующих и принадлежавших ранее прусским властям, селили русских и белорусов. Право владеть официально закреплялось исключительно за подданными империи. Позднее это облегчило и борьбу с польскими помещиками, позволяя отобрать имения у оставшихся в Австрии хозяев.

Фактически, не юридически, новопоселенцы получали вольную и могли заниматься любыми ремеслами и заводить собственное дело. Понятно, таких на первых порах меньшинство, но крестьяне обустроились недурно в сравнении с Центральной Россией. Хутора, собственная земля и полное отсутствие барина. Бытие, как водится, определяет сознание. Большими общинами не живут и прямо на глазах превращаются в отъявленных кулаков.

Им кроме стандартных налогов ничего платить не надо, и барщины нет. При этом урожайность много выше российской, а рождаемость заметно подскочила. Через пару поколений не меньше половины будет от общего населения. Восточная Пруссия, которую называют официально Балтийской губернией, станет со временем неотъемлемой частью империи. А заодно эти люди и барьер между Германией и прибалтийскими немцами.

– Ты должен с Юркой поговорить, – сказала Стеша, намылив мою физиономию и приступая к бритью.

– А почему не Сашкой или Софьей? – брюзгливо интере-

суюсь.

– Нет, – она всплеснула руками, в одной из которых, между прочим, опасная бритва, – неужели тебе не важно?! С ней-то уж точно не мешает.

– Пусть с девочкой мама с папой разбираются. Это их идея была замужество с Потоцким. Я с самого начала возражал. На черта нам чужие богатства, подумаешь, шестнадцать сел с тремя тысячами мужиков, своих хватает!

– Вот потому она к нам приехала, а не домой. Знает ваше отношение!

– А то у нас мало народу в доме проживает помимо нее! Так, это было лишнее. Татьянины дети, да и сама она меня не раздражают. Впрочем, как и остальной эскадрон. Геннадия потомки, дети и внуки сестер и брата, куча разнообразных крестников из казаков вечно навещают. Иной раз наткнешься в саду и недоумеваешь. Рожа знакомая, а как зовут – забыл. Слишком много развелось вокруг народу. И ведь у большинства есть дома и даже собственные деревни, но от приехавших в гости дальних и близких родственников избавиться невозможно. У того дела в столице, у этого отпуск из армии, а иные просят приютить на время. Трагедия, видите ли, в семейной жизни.

Собственный разветвленный клан полезен при неурядицах любого рода. От царского недовольствия до неурожая или неудачного вложения денег, способного повлечь за собой разорение семьи. Имея множество деревень в разных

губерниях и разные производства, всегда легче переносить неурядицы. Правда, приходится не забывать о месте патриарха. Официально мое слово последнее и обжалованию не подлежит. А фактически Стеша в семействе и хозяйстве владыка, безраздельно правящая домом и всем с ним связанным.

Это сложилось незаметно и в первую очередь к моей выгоде. Вечно занят был и на мелочи не обращал внимания, передоверив Стеше. Вот и стала она центром и душой семьи Ломоносовых, а заодно и Шадриных. Наш союз прочен и полезен. Даже с моим братом Ванькой она больше общалась лично и письменно, а уж его дети и внуки в моем доме чувствуют себя родными в первую очередь не из-за меня.

– Послушай, Стеша, – после длительного размышления сказал я почти застенчиво, – ты на меня не обижаешься?

– Это с чего? – обтирая мне лицо полотенцем, удивилась она.

– Ну столько лет прошло, а мы в церкви и не были. Невенчанные живем.

– Ой, да теперь только людей смешить! Дети наши правные и не просто Ломоносовы, графья. – Она хихикнула.

По нынешним временам такое титулование выше княжеского будет. Я высокоблагородие, а родовитым князьям такового не положено. А еще сиятельство, как сенаторы, и Стокгольмский, что гораздо почетнее, и таковых нас на всю Российскую империю помимо меня всего три: Давыдов-Крым-

ский, Долгоруков-Кавказский и Ломан-Балканский. Фридрих Ломан уже скончался, однако потомки имеются, и подобное отличие не последнее дело.

Про себя можно признать, гениальных полководцев среди нашей компании не имелось, зато все настоящие крепкие профессионалы и научились не следовать слепо шаблонам и инструкциям. Так что честно заслужили титулы весомыми победами на полях сражений.

– Сказал бы мне кто в детстве...

– Дворяне паршивые, – зло говорю. – Знаешь, что мне Юрка заявил, когда я ему в последний раз нотацию читать пытался? Ты, говорит, сын крестьянский, а я фельдмаршала. Мне так прижимисто вести себя нельзя. Я эту родную кровиночку чуть не прибил за такие слова.

– Перебесится, – с не особо понятной мне уверенностью отмахивается Стеша. Будто не сама буквально сейчас просила воздействовать. Гулять наш сынуля научился не по-детски, а она все над младшеньким трясется. Здоровый уже лоб, я в его годы полком командовал.

– В армию отправлю! – вознегодовал я. – Пусть послужит, как нормальный человек, и в чувство придет. И не на Кавказ, под крыло к брату. В Сибирь загоню!

Глава 2. Почти внушка

– А, ты уже здесь, – говорю, с удовольствием разглядывая Софью.

Девочка выросла высокая и очень симпатичная, на мой взгляд. Не красавица, но без излишней полноты, столь ценимой в нынешнее время. На щеках приятные ямочки, когда улыбается. Всегда нравились такие. Полногрудая, с яркими живыми глазами, умело подчеркивающая фигуру платьем. Современная стилизация под крестьянку. Никто на улице не спутает, но это специально под мои простые вкусы надето. Что-то ей точно надо.

– Вас жду, – почтительно заявляет и ресницами хлоп-хлоп. Сплошная невинность.

Я на такие штуки и в молодости не покупался, зато теперь уверен в правильности догадки.

– И почему тебя родители не назвали Еленой, прекрасная? Тут она мило и не запланированно покраснела. Блондинка с нежной кожей, и румянец на щеках хорошо заметен.

– Скажете тоже!

Главное, она во всех смыслах здоровая и крепкая. В детстве простая пища, подъем спозаранку, отсутствие сюсюканья. Бегала босиком с деревенскими и казачьими детьми по улицам.

– А я всю правду нынче говорю. Теперь уже можно.

– То есть раньше ввали регулярно, Михаил Васильевич? – заинтересованно спрашивает.

– Софья! – возмущенно воскликнула Стеша.

В восемнадцатом веке не было принято, чтобы родители воспитывали детей, а бабушки с дедушками баловали. Старшее поколение обычно следило за поведением отпрысков даже более строго и нередко отчужденно. Внуки с внучками наносили визит лишь изредка. Другое дело Софья. Она у меня с рождения жила. И кем приходится, я затрудняюсь определить. Евдокия Васильевна, мать ее, мне вовсе не дочь, а сводная сестра официально.

На свадьбу Дуське я подарил в качестве приданого сорок тысяч десятин в Уфимской губернии. Приобрел незнамо за чем по бросовой цене, чисто из жадности после башкирского замирения. Потом с Украины полторы сотни семей перевез, пообещав освобождение от любых повинностей, кроме подушной подати, на пять лет.

Когда мой бывший адъютант, выйдя в отставку по ранению (в отличие от меня так легко в Пруссии не отделался), туда с семей прибыл, его, естественно, встретили без особой радости. Эти куркули недурно развернулись без пригляда. Каждое крестьянское хозяйство к тому моменту держало десять – двенадцать лошадей и пятнадцать – двадцать коров. Кур, уток, гусей и индюшек никто не считал.

Теперь он пишет рассказы, восхваляя прекрасный и обильный край. Даже две книжки издали «Охотничьи рас-

сказы» и «Моя земля». Мне понравилось. Красиво природе описывает и повадки звериные. Я так не сумею. Поэтическая натура. Ценить таланты надо. Потому издал в своей типографии, тем более приличных русских писателей надо поддерживать. И оба раза тиражи расходились моментально. Пришлось дополнительные печатать. Умудрился на зяте чуток заработать.

А хозяйством занимается Дуська между родами. Семерых детей мужу подарила. Софья была первая, не захотели с маленьким ребенком ехать в глушь. Не дай бог что случится или заболит. Вот с тех пор и живет. Раза три к родителям ездила, но дом ее здесь. Мать железная баба, прости меня господи, за такое слово. Дворянка как-никак. Но нечто от Ломоносовых по части деловой хватки передалось. Ничего ужасного, такое частенько случалось. Мужчины пребывали на государственной службе, в домашние заботы не вникали, а хозяйством занималась женская половина семейств. Чтобы не распустить холопов и сохранить доходность имений, требовались характер, смекалка, воля и оборотистость.

Командует в доме нынче не супруг. У Гусева всего пяток душ и жалованье имелось, а Дуське от меня столовое серебро досталось да пять тысяч рублей, да еще восемь от Ивана. Его не напрягает возвышение сестер. Всегда был легкий человек, и интересы совсем в другой области лежали.

– Как же без этого государственному человеку? – усмехнулся я. – Идем уж завтракать, мадам Потоцкая.

– Я Гусева! – с негодованием воскликнула Софья.

Вот ей всерьез не повезло. Или напротив – это уж как посмотреть. Замуж шла по сердечной склонности за молодого, что не часто случается. Еще богатый и делающий карьеру. И все было просто замечательно. Три месяца. Пока не поймала на любовнице. Все бросила и отправилась домой. В смысле ко мне.

Раньше бы я этот вопрос решил через императрицу в кратчайший срок. Теперь проблема. Подать на развод и получить его – разные вещи. Некоторые годами дожидались решения Синода – далеко не всегда благоприятного. Обоюдного согласия супругов считалось недостаточно. Для церковного расторжения брака требовались серьезные основания. Например, отсутствие детей. Но Потоцкие были молоды и еще имели шанс обзавестись наследниками. А доказательства прелюбодеяния, как и свидетели, отсутствуют. Все знают – было, иначе поведение жены не объяснишь. Сам супруг отмалчивается, не отрицая случившееся, но юридически не доказано.

Естественно, весь высший свет заинтересованно обсуждает создавшуюся ситуацию. Я бы скота убил, надо же иметь наглость предложить ответно выбрать любовника из его друзей. Это мне Софья сама рассказала, и не имею причин не верить. Явно с головой непорядок у дебила. Только граф изволил отбыть в поместье и не кажет носу в Петербург. Приятного во всей истории и для него мало.

Мне он с самого начала не нравился, но становиться поперек дороги у влюбленной девушки я посчитал неразумным. Тем более брак организовывали женщины и справки наводили. Ничего реально предосудительного не выявили, иначе бы не сладилось.

– Ты у нас Ломоносова, – сказал я ласково, обнял ее за плечи и подтолкнул в сторону столовой.

– А что? Тоже неплохо!

На стенах столовой висят семейные портреты. Не парадные, в застывшей напряженной позе, при всех орденах – такой у меня единственный имеется. Подарок от благодарного купечества к пятидесятилетию. Я для него даже не позировал. Где-то в чулане висит.

Эти писали ученики Художественной академии России, я лично отбирал наиболее понравившиеся. Им лишний заработок, большинство ведь без особых доходов, а мне память. Забавно смотреть на растущих детей и стареющих родственников. Стеша, например, лет десять назад отказалась от очередного портрета. Не хочет видеть себя постаревшей. Зато в кабинете в рамке прямо на столе держит мой давний рисунок. Она там еще девушка.

Завтрак идет по давно заведенному порядку, включая поданные блюда. Без особых изысков. Обычная атмосфера домашнего круга. Когда я ем, то глух и нем – не про нас. За столом вполне можно завести разговор о политике или последних распоряжениях, касающихся армии. Просто эти те-

мы сейчас старательно обходят.

Обмениваются репликами по поводу домашних забот, новых платьев, болезней и обсуждают последнее письмо от Ольги. Сеструха у меня путешественница. Столько лет не вылезает из-за границы, что, наверное, уже и не помнит, откуда родом. Письма, правда, исправно пишет, нас с Дуськой не забывает.

Теперь уж и не помнят многие, а отправка в Вену ее супруга Густава Армфельда с официальным поздравлением по случаю бракосочетания эрцгерцога Иосифа, будущего императора Иосифа II, было событие не рядовое. По тем временам огромный прорыв. Ольга Васильевна первая из русских дам в новом царствовании сопровождала мужа в служебном путешествии за границу. Натуральный вызов во многих отношениях.

Сам Густав швед, жена только по названию дворянка, и последний раз за границу совместно супруги из России ездили как бы не при Петре I. Такой толстый намек на возможность карьеры и подданного Швеции – уния дает тебе шанс высоко подняться, и женской эмансипации. С тех пор прошло много лет, а Армфельд так и продолжал кочевать из Копенгагена в Вену и далее в Лондон в качестве посла, ну и супруга с ним.

Очень удачный, как оказалось, выбор. Помимо знания нескольких языков и умения контактировать с самыми разными людьми, в чем я убедился, используя его в качестве ор-

динарца в Восточной Пруссии, он реально руководствовался девизом «Meine Ehre heisst Treue!», то есть «Моя честь – это верность». Дав присягу и женившись, ставил в первую очередь интересы страны и семьи.

Я даже передал ему основные контакты с купленными газетчиками и жадными пэрами. На месте удобнее разбираться. Дипломат восемнадцатого века личность достаточно скользкая. Он вправе вербовать себе открытых сторонников и тайных осведомителей. Примеров подкупа официальных лиц самого высокого ранга несть числа. Такие вещи вообще никого не удивляют. Иным российским министрам иностранные государства до меня платили регулярно немалые суммы. Почему нельзя повернуть обратное? Еще как можно! Как минимум дважды я сумел повлиять серьезно на английскую политику, поработав с оппозицией и газетами. Денежки тамошние кадры любят ничуть не меньше всего остального человечества и родное правительство сдавали за милую душу.

– В былые времена, – со вздохом сказала Татьяна, – спектакли следовали через день: в понедельник – французская комедия, в среду – русская, в четверг – трагедия и опера. Маскарады...

– Это давно было, – включаюсь. Кажется, что-то упустил, отвлекшись.

– Да, – с грустью подтвердила свояченица, – в последний год токмо один раз спектакли давались, в четверг.

– Ну вот сейчас опять в среду, – неуверенно сказала Софья.

– Другое! Ой, ты не обижайся.

– Стоп! – в удивлении потребовал я. – Это о чем мне не доложили?

– «Гамлета принца Датского» ставят в Императорском театре, – подала голос Стеша.

– Софьи перевод?

– Ну да.

В 1745 году Сумароков впервые напечатал свой вариант «Гамлета» в стихах. Проблема одна: в его переложении пьеса мало походила на Шекспира. Тот, собственно, и сам не стеснялся перелицовывать чужие идеи и сюжеты, но слово «перевод» к чему-то обязывает. А тут в пьесе появились дополнительные персонажи. Конец трагедии счастливый – Гамлет и Офелия живы. Короче, бред.

Уж на что не люблю Тредиаковского, однако с ним согласен в критике в данном случае. Тот считал недопустимым перевод не с английского оригинала, написанного белым стихом, а с французского изложения в прозе. А уж превращение трагедии в комедию и вовсе ни в какие ворота. Имел несчастье высказаться как-то за столом по этому поводу. Обычно в литературные разборки не лезу, но тогда по мне в очередной раз проехали по поводу моих словесных трудов.

Точнее, в связи с очередным изменением английской политики Anne Карловне втемяшилось подколоть тамошний

двор. В результате я создал пьесу из тамошней жизни. Попутно зацепив не только Англию, но и почитателей «голубой крови». «Пигмалиона» я не читал и даже фильма не видел. Зато мюзикл «Моя прекрасная леди» посещал. Еще в школе водили. Первый и единственный раз. Не знаю, что нашей «англичанке» стукнуло.

В результате стихов, естественно, в памяти не осталось, зато сюжет вполне сохранился, с немалыми подробностями. Чем я не Шекспир, обирать других? Скандал вышел знатный, когда в Париже пьесу поставили. Больше сотни раз шло представление. Мне, разумеется, шиш, но я не претендовал на золото. Что просили, то и подсунул через Голландию. Авторство уже задним числом всплыло.

Софья сделала неожиданные выводы из этой истории и моих слов. Взялась за английский язык всерьез. Современные барышни знают по три-четыре языка и зубрят изящные манеры параллельно с игрой на музыкальных инструментах. В один прекрасный день принесла для ознакомления и по-советоваться «Макбета» на русском в стихах. Ничего такого от нее не ждал. Убила наповал. То ли от меня, то ли от отца достались неплохие литературные способности. Действительно сумела, не ломая пьесу, передать всю красоту сюжета сочным родным языком. Я даже не посмел редактировать. Так, указал на несколько мелких погрешностей и похвалил в обалдении.

На сегодняшний день у нее взяли для постановки в про-

фессиональных театрах «Ромео и Джульетту», «Отелло», «Короля Лира», «Макбета», «Укрощение строптивой». А еще я подсунул Кипплинга. Сказки про Маугли и прочих слонов с леопардами когда-то напечатал в детском приложении к «Ведомостям». А вот стихи не рискнул. Адекватно перевести с английского не смог бы, а учил в школе именно на языке острова. Еще в первый год переноса записал, пока не выветрилось из памяти. Теперь выдал якобы за слышанное от моряка из Великобритании. Даже имя правильно указал.

Получил в лучшем виде целый тематический сборник, который, напечатав в типографии, пустил в продажу. И про бремя белых, и про солдат, и баллада о Западе и Востоке, и про службу королеве. Много разных. Сам не ожидал, что столько вспомню. И частенько созвучно нынешним временам. Да что там, в любом столетии остается неизменным: падальщики могут пожирать плоть, но им не под силу испортить репутацию. Эти обеспокоены лишь люди.

Теперь еще и Гамлет. И ей всего восемнадцатый год. Хвала всем богам, перестали в пятнадцать отдавать замуж, а то вообще бы сломалась влюбленная дурочка. И ведь неплохие мозги и художественный вкус имеет. Глядишь, меня обставит, причем благодаря своему труду, а не заимствованным стихам и басням.

– А надо ли? – спрашиваю. – Сейчас не столько о пьесе говорить станут, сколько о Софье лично и ее разводе...

Женский коллектив уставился на меня с негодованием.

– Императорский театр – это высшее признание!

– Они договаривались о постановке задолго до этого сего прискорбного происшествия!

– Да пусть болтают! Не собираюсь прятаться от общества!

Последнее, безусловно, имеет смысл, и немалый. Чего ради отказываться от заслуг. Уж я-то знаю, насколько тяжел труд переводчика и особенно подобный. И в курсе, что она втихомолку пытается написать что-то свое. Пока не показывает. Боюсь, выйдет у нее после поломанной супружеской жизни нечто трагическое.

– Тебе решать, – говорю, демонстративно разводя руками. – Но мы все будем на премьере.

– Уж обязательно, – поддержала меня Татьяна.

Стеша как раз и пойдет не со мной, а с ней. Моя невенчанная жена до сих пор старательно выдерживает дистанцию. Вся Россия с просвещенной Европой в курсе ее существования, но официально мешанка с графом в одной театральной ложе? Фи. Скандал. Наверное, я все-таки свинья. Детей признал, а ее нет. Давно об этом не задумывался. Жить вполне комфортно и без того. Мне. А ей?

– А можно тебя попросить кое о чем? – спросила Софья тетку.

– Конечно!

– Ты бы не могла рассказать об императрице? Такое... что одним лишь близким ведомо.

– Ну знаешь! – Татьяна вскочила и вышла из столовой,

практически маршируя, с прямой спиной, источающей обиду.

Стеша устремилась за ней.

– Деда, ну что я сказала плохого? – жалобно спросила девочка.

Когда мы на людях, Софья зовет меня согласно этикету на «вы» и по имени-отчеству. А вот как сейчас назвала – исключительно наедине. Никогда не поправлял и не возмущался. Наверное, я неправильный старший родич. Не проявляю строгости. Мне приятно, что она бежит излить душу ко мне, а не к Стеше. Про ее родителей уж и не вспоминаю. Мы Софье точно ближе.

– Государыня не любила менять старых, проверенных слуг, – говорю. Не вижу смысла темнить, а объяснить поведение необходимо. – Весь ближний штат при ней трудился много лет. Татьяна не меньше сорока, еще при Анне Иоанновне начинала. Старилась вместе с хозяйкой и считала преданность высшей добродетелью. Она многое знала и, наверное, ближе всех из этого круга была посвящена в личные дела императрицы. Когда Анна умирала, не бегала в поисках нового покровителя, а сидела рядом до самого конца. Не за деньги вытирала слюну, текущую изо рта, и прочее. Из преданности и уважения старалась.

– Так я ничего плохого и не думала.

– И не надо ее трогать. До сих пор больная тема. Меня и сейчас не простила.

– А ты при чем?

– А я не находился возле одра. Государственные дела решал. Она ведь не сразу умерла. Сначала удар. Потом второй. В промежутке уже практически не вставала. А страна никуда не делась. Сегодня одно, завтра другое. Надо решать и резолюции накладывать.

Я так канцлером и не стал, зато мало что под занавес правления Анны двигалось без моего одобрения. Служба никогда не кончается, пока в отставку не отправили. Ежели что не так, то задним числом последует разнос, а ждать дела не могут.

– А правда, после нее остался дневник? – жадно спросила Софья.

– Тебе-то это зачем?

– Деда, я хочу написать про тебя.

– Чего?

– Никто не может отрицать твоего вклада в историю и огромных заслуг не токмо для России, для мировой науки, – торопливо сказала она. – Но уже сейчас ты для многих не живой человек, а некая функция.

– Ну спасибо.

– Нет, правда. На тебя молятся и ненавидят, мечтают превзойти и ищут недостатки в идеях и достижениях.

– Я даже знаю, кто эти люди, особенно по части нелюбви.

– Я хочу написать правду, как оно было.

Вот не было печали. Теперь не успокоится. Не в первый

раз. Как втемяшится в голову, так и будет доставать, пока не получит желаемое. И с замужеством то же случилось. Ее вроде бы Стеша не подталкивала. Сама рвалась. С другой стороны, может, обжегшись один раз, думать начнет.

– Кому такая книга нужна?

– Людям. Будущему.

– Допустим, она, правда, малоприятна, тогда что?

– А кто говорил «не бывает счастья для всех»?

– Делать мне больше нечего, только отвечать на глупые вопросы, да еще и честно.

– Ну деда! Это же замечательная возможность высказаться перед потомками. Ты не ангел, но ведь сколько добился!

– Люди любят находить себе оправдания. Любой негодяй и подлец с легкостью покажет пример худший, чем он сам. На этом основании можно собой гордиться и остаться довольным собой. А я натурально не самый приятный человек. Много делал вопреки морали, случалось, и поперек чести. Да не все даже окружающие знают. Зачем мне подобная слава?

– Так надо взгляд дать, почему так поступал. Твой, со стороны, для государства. Почему думал так, а не иначе, и чего добиться хотел.

Ну да. Похоже, мои бывшие статьи про источниковедение и критическое отношение к словам и документам тщательно проштудировала.

Подлизывается. Или вправду хочет биографию написать?

Хм... при авторстве близкой родственницы однозначно претензии будут, что ни нарисуй.

– Не доросла ты еще до правильного соблазнения опытного человека. Нет, если покажешь ножку, задрав подол, – поспешно уточняю на вполне понятный жест, – многие пойдут на край света, но я о другом.

– Да-да! – горячо сказала Софья. – Украшает женщину скромность, благопристойность и стыдливость. Боюсь, не для меня этот путь.

– С чего бы это?

– Не испытываю желания идти по обычной женской стезе.

– Дурочка ты. Жизнь длинная, и прожить ее желательно приятно. Придет срок, встретишь еще правильного мужчину.

– Может быть, – кивнула решительно, – только не собираюсь ждать дома сего счастливого часа. Хочу добиться широкой известности не одними переводами. Такой хватки, как у госпожи Шадриной, у меня нет...

Так и не научилась Акулина Ивановна нормально писать, сначала дочь за нее старалась, затем секретаря держала. Что совершенно не мешало ей управлять немалым хозяйством и контролировать детей. Указания она им рассылала не часто, но на моей памяти никто не посмел не выполнить приказ. В среде купечества пользовалась огромным влиянием, а от дворянского титула сама отказалась. При ее капиталах и с моей поддержкой могла себе и без того многое позволить.

Подчас жестокая, она была тем не менее верующей женщиной, много жертвовала на церкви, а перед смертью сделала удивительную вещь: призвала в зал своего роскошного дворца, построенного Растрелли, крестьян, соседей, семью и при стечении народа повинилась в содеянных грехах. Немалое мужество требуется для подобного. Я бы не посмел. И просила она тогда прощения не у Бога, а у людей. Для многих реально стала примером. Особенно для женщин.

– Зато писать нравится, и я знаю о ком!

– Вечно вы, Гусевы, норовите меня отобразить. Вот пиесы пиши. Не Мольера и Шекспира перевод – свое.

– Нет, у папы не то, – махнула рукой она. – Война, куда пошел батальон и упало ядро. По-моему, он брал пример с Плутарха. Честное слово, «Охотничьи рассказы» много лучше.

– Так он стал старше и мудрее. Потерпи лет десять, и тоже стиль улучшится. Мудрость охотно посещает женщин, когда от них бежит красота.

– Хочу создать нечто более объемное, – не слушая, продолжала она гнуть в прежнем направлении. – Пройдет небольшой срок, и не станет достоверности от первого лица, зато появятся в угоду иным властителям политизированная критика.

Это такой тонкий намек на нынешние обстоятельства.

– Мою биографию Вольтер предлагал написать, да на черта мне сдалось деньги за то французу платить, – хмыкнув,

говоря. – Ты хоть понимаешь, чтобы действительно что-то интересное создать, нельзя пользоваться только воспоминаниями. Через годы на многие вещи иначе смотришь, да и подзабылись старые тревоги со сложностями.

Характеристику у вельмож можно получить яркую, да не соответствующую прежним идеям. За минувшие при моей жизни полстолетия Россия очень изменилась. Даже высшее общество заметно переменялось. Для серьезной работы над биографией политического деятеля лучше быть историком, чтобы разбираться в массе научных теорий, полемике и документах.

– А ты допустишь до своего архива? – подавшись вперед, быстро спросила Софья.

– Да с удовольствием! Через три года выползешь оттуда вся в пыли, заскучав. Там бумаг собраны пуды без всякой системы. Кое-что по годам, а большинство навалом. Там тебе не библиотека с карточками и кодами по алфавиту и языкам собранная.

– Это ведь ты систему библиотечную внедрял с целью удобства поиска?!

– Я. Нормальное дело – сапожник всегда без сапог. Что мне важно я и так мог найти. А чего не помню, как хозяйственные ведомости и балансы, то и обойдусь.

А чего я, собственно, упираюсь? Кто и зачем пишет биографии? Ну если отместить благоговение перед объектом исследования или страстное желание обмазать его фекалиями.

Главное в подобных книгах всегда Успех. Как его достиг человек, что помогло ему состояться. Вспомнят еще раз. Может, и найдутся берущие пример. Не самый худший вариант из существующих. Все же я много куда руку приложил и пользы России достаточно принес.

– Ладно, – вставая, говорю, – пойдем-ка прогуляемся. У меня моцион для здоровья. Да и тебе полезно воздухом подышать. Пиши что хочешь. И в архиве можешь копаться сколько угодно, и на вопросы честно отвечу. Только условие...

– Я ничего не напечатаю и никому не дам читать без твоего разрешения, – поспешно пообещала она. Как бы с отцом не проконсультировалась предварительно.

– Нет! Я читать не стану, исправлять тоже. Только поклянешься на люди вынести после моей смерти. Не раньше.

– Почему?

– Допустим... да что там, знаю абсолютно точно, в бумагах найдется письмо, где я или мой корреспондент называет человека откровенно ругательными выражениями. Зачем на пустом месте через много лет скандал с ним или его родственниками? А ведь, возможно, иначе не объяснить иных поступков. В глаза улыбались, за спиной хуже дерьма считали. Политика!

– А кто корреспондент, не императрица?

– Так вот, – не отвечая, продолжил я, – урок тебе для начала. Даже если заменишь матерные слова невинными, на

любой цитируемый чих, как-то: письма, доклады, интервью со мной или другими людьми – должна иметься либо бумага, либо подпись под записью беседы. Отбери в отдельную папку важное и нумеруй, чтобы знать в будущем точное место хранения. А то ведь недолго за клевету под суд пойти. Или за оскорбление, – добавил я, подумав. – Мне там, – показал на небо, – будет уже все равно. А тебе неприятности непременно обеспечат. И не важно, что из лучших побуждений старалась. Это я как бывший главный редактор газеты наставление даю. Да и не одних конкретных людей касается. Отечество обычно не столь требовательно к матерным выражениям, но оно редко бывает благодарным. Я много чего делал ему на пользу, но любые реформы всегда бьют по большим группам населения. Мало кому приятно, особенно когда всплывет, что сознательно шел на такое, прекрасно представляя последствия.

Глава 3. Реформы и последствия

Иногда у меня возникает ощущение, что живу в музее. Дворец, ага, в халупах не проживаю, был заложен еще при Екатерине I. Анна Карловна практически открытым текстом потребовала привести его в порядок. Якобы будет навещать. И действительно, в дальнейшем регулярно приезжала летом. Даже когда я отсутствовал. Эдакая неофициальная вторая резиденция. Конечно, милость великая, хотя с точки зрения финансов это достаточно затратно.

Вот и пришлось расширять и обустраивать здание. Четыре года трудились рабочие и самые известные русские и иностранные архитекторы. В немалые капиталы влетело. Вышло нечто вроде еще не существовавшего Зимнего дворца. Точных параметров и вида не помнил, но общие представления имел. Наброски не вызвали отторжения. Сейчас этот стиль именуют русским барокко, и таких зданий, включая через пять лет в очередной раз перестроенный Зимний, довольно много. Мой дворец все же оказался первым.

Правда, в городе такого раздолья не существует. А я мог себе позволить огромные парки: английский пейзажный, французский регулярный и специально сохраненную рощу. Конечно, лес не дикий, за ним ухаживают, но все же без явного вмешательства и геометрических линий с подстриженной травкой и скамейками.

– Красота, – говорю с удовлетворением, осматриваясь и дыша полной грудью. – И денег не жалко, на все это потраченных.

– В слободе упорно шепотком рассказывают, – поведала Софья, – что есть во дворце комната, где пол золотыми монетами выложен. И не плашмя, а на ребро поставленных.

– Мои деньги просто так не лежат, – невольно усмехнулся я, – в обороте.

Ничего удивительного. Знаю, откуда слухи идут. Не столь бросается в глаза, но за хозяйственными постройками имеются два четырехэтажных корпуса. Там мои коллекции представлены. В одном картины и скульптуры русских или хотя бы живших в России мастеров. Книги, старинные карты и многое другое, имеющее отношение к империи. Тут и польские, литовские сибирские вещицы присутствуют в немалом количестве. Я абстракционизмом так и не проникся и уважаю все больше «Богатырей» и вообще батальные сцены. Без разницы, с нашим участием или это некие греки, штурмующие город Трою. Главное – достоверность изображения.

Второй корпус заполнен тоннами всевозможных предметов из древних курганов с юга. Последнее время и с Алтая тащат. Моя давняя случайная находка с Кубани, продемонстрированная на очередном приеме, всколыхнула многих. Где у помещика на земле проступали бугры, туда и лезли моментально с лопатой. Частенько портили и ломали, даже обнаружив, многие оставляли находки себе, но я по-прежнему

платил за изделия больше его веса, требуя показать место и зарисовку, как лежали вещи. Даже за черепки, если склеить есть шанс, платил.

Понятное дело, барин, то бишь я, с легкой придурью, но щедрый и не только за золото с серебром монетами разбрасывается. Да и за металлы больше, чем вес, дает. Нет смысла переплавлять. Специально через газету предупредил и честно выплачивал. В результате тащили не только скифское, но и греческое, а порой попадалось древнерусское и норманнское. Я даже умудрился выделить несколько центров распространения скандинавских захоронений. Южное Приладожье (с центром в Старой Ладогe), бассейн реки Волхов (с центром в Рюриковом городище), Верхнее Поволжье (с такими центрами, как Сарское городище, Тимерево, Петровское, Михайловское), Верхнее Приднепровье (Гнездово), Среднее Приднепровье (Киев, Шестовица, Чернигов).

Правда, таких сокровищ, как в скифских курганах, не попадалось. В основном всякая мелочь. Стеша так и не поняла, зачем мне весь этот хлам помимо драгоценностей. Натурально никчемные траты. Так и лежит бессмысленно, включая золото с камнями. Лишь изредка гости полюбуются вещами, выставленными в застекленных витринах. Стану помирать, в завещании непременно передам в царскую сокровищницу при условии сохранения коллекций для показа. Может, хоть тогда не растащат по карманам.

С моей легкой руки увлечение историей и всяческим

древностями широко распространилось по России. Куча собирателей и коллекционеров появилась. И не только по русскому искусству ударяют, хотя это стало модно, как и покровительствовать художникам и скульпторам. Покупают в Европе тамошние картины, камеи, всевозможные редкости. Хуже стране от этого точно не стало.

Я в курсе, поколения будущих археологов меня станут проклинать за деяния вроде бессистемных раскопок, не хуже чем Шлимана за разрушение Трои. Он нашел город, но принял за нужный совсем другой слой. А многие не верят в обнаруженные сокровища, говорят, якобы сам и изготовил. Ну и плевать, как было на самом деле. До здешней Трои с Тутанхамом я пока не добрался, пусть и имелись на этот счет мысли. Мои ценности точно настоящие, и найдено много больше, чем хранилось в известных мне музеях. Все-таки художественная школа дает представление о таких вещах. Ни в каком Эрмитаже столько и таких изумительных произведений искусства скифско-сарматского и греческих периодов Причерноморья даже в запасниках не присутствовало. А ведь курганы копали и в той истории.

Скорее всего, все исчезало в карманах черных кладоискателей и переплавлялось, навсегда пропадая для историков и потомков. Кое-что наверняка угодило под воды плотин. На Днепре огромный район при строительстве ГЭС в двадцатом веке залило. А у меня оттуда масса находок. Для большинства серьезных есть точная привязка к территории. Часть с

указанием, где и что лежало. За такие вещи платил дополнительно. Может, кто для дисера получит материал. Не жалко.

– А сколько у тебя есть, деда?

– Ты знаешь, сколько в слободе человек?

Начинался поселок со строительных рабочих, теперь в нем все больше дворцовые служители проживают. Надо ведь кому-то охранять, убирать, садовники, конюхи, да мало ли кто. Отсюда всего полверсты по дороге. Софья в детстве за-просто бегала, да остальные мои дети не гнушались посещать. С самого начала приказал не селиться как попало, а согласно общему плану. Территория разбита на квадраты, в центре площадь, церковь, костел, кирха и аптека с полицией. Сегодня уже триста пятьдесят четыре обывательских и казенных строения.

– Нет, – после раздумья отвечает Софья. – Думаю, не меньше трех тысяч.

– Пожалуй, все четыре будет, – без особой уверенности возразил я. – Считая с работающими на полотняной фабрике и мельнице. Людей и то не упомнишь. А ты про количество монет желаешь знать.

– А бабушка наверняка знает! – обвиняющим тоном воскликнула она.

– Так у нее и спрашивай, – очень логично предложил я.

– Но ты же знаешь!

– Даже без шуток очень приблизительно.

– И?

– Урок тебе нужен... Будет тебе первая лекция. Итак, за мной двести сорок две деревни, деревеньки, мызы и села на тридцать семь тысяч крепостных обоего пола. Раскиданы по всей стране. Не специально, так вышло. Что-то за службу получил, чем-то наградили, кое-что у заложивших имущество или, как в молодости, на спор выиграл...

Она кивнула. Старая история с подрывным фитилем и снарядом давно превратилась в семейную легенду, иллюстрирующую мою находчивость и предприимчивость. Иногда в этих рассказах – а не одна такая байка существует – себя не узнаю. Настолько мудр и добродетелен.

– ...кого перевозил, как в Заволжье или Причерноморье с Крымом. Почти все люди на оброке. А он очень разный.

И частенько на моих землях повинности или сборы за пользование лесом с прочими угодьями заменены фиксированными денежными выплатами, выплачиваемыми всей деревней. А в остальном я практически не вмешиваюсь во внутренние дела, разве уж жаловаться начинают. Не по доброте душевной. Так проще, и не требуется держать человека на жалованье.

Нет ничего выгоднее, чем вести хозяйство самому, но это предполагает постоянное жительство на одном месте и знание людей с их хитростями – святое дело объегорить барина и старыми счетами. Мне это недоступно. Контролировать десятки и сотни отдаленных друг от друга мест и вовсе невозможно. Равно как руководить сдачей земли в аренду можно,

имея представления о крестьянах, кто трудолюбив и кто ленив, да и точные сведения о ценности территории. Лишняя морока.

Мои крестьяне четко знают, что никто с них драть лишнего не станет, кроме юридического освобождения, имеют все права вольного человека, включая выборность старост. На самом деле находятся на положении государственных, только платят больше. Зато школы за мой счет. Причем привычная мне, а не в старом стиле. Прежде в класс набирали детей разного возраста. По моему указанию появились большая общая доска с мелом и классный журнал. Перед началом занятий проводится переключка. Тот, кто хочет спросить или ответить, должен поднять руку. Обязательны экзамены по итогам года.

Основная масса все это – и относительную свободу, и обучение детей – оценила довольно быстро. Отсутствие образования не означает наличие дури. В принадлежащих мне селениях по большей части люди достаточно зажиточные, а кое-кто уже и собственное производство имеет.

– Нельзя устанавливать одинаковый размер платежа для Кубани или в Центральной России. Непогодородная почва и неблагоприятный климат более северных районов вынуждает крестьян с незапамятных времен заниматься ремеслом, охотой, рыбалкой, торговлей, строительством, перевозками и другими видами деятельности, не относящимися непосредственно к сельскому хозяйству. Применяя оброк вместо

не приносящей заметного дохода сельскохозяйственной трудовой повинности, можно получить заметно больше, уменьшая управленческую ответственность. Такая система дает пользу не токмо мне или другому помещику, но и крепостным увеличить их заработки.

– Основной источник богатства в крепостных, а не в земле.

– Не в черноземных областях. Там как раз наоборот.

– Там просто пока народу мало, – уверенно сказала Софья, посеяв сомнения в важности изложенной лекции, сама все и до моих откровений знала. – Нехватка земли приводит к массовому переводу крестьян на оброк. В тех местах, где довольно места, сходнее держать их на пашне.

– Ох лиса, нужны ли тебе мои старчески разглагольствования?

– Нужны и важны. Я и правда подробностей не знаю. Вот сколько оброку правильно требовать?

– Естественно, в разных губерниях и суммы могут различаться. – Ну хочет, пусть слушает. Тайн не открываю. – От почвы зависит, близости городов, судоходных рек и много другого. Но и это еще не все! Цены растут, и соответственно повышаются требования. В России уровень оброка не фиксирован. В принципе правильно. Подушный много лет оставался неизменным, и фактически государство теряло огромные суммы, остающиеся не крестьянину, а помещику. А в целом до Анны Иоанновны средний составлял около двадца-

ти пяти копеек с души и пятидесяти копеек с души мужского пола. Уже в 1742 году брали примерно восемьдесят копеек с души мужского пола. К концу правления Анны Карловны оброк крестьян на Суздальщине и Ярославщине достигал рубля и тридцати четырех копеек с души мужского пола, или пяти целых девяти десятых пуда в пересчете на хлеб.

– А государственный? – неожиданно заинтересовалась она.

– Сорок копеек с души мужского пола. – Уж данный момент я хорошо проработал, не зря в свое время консультировал по поводу Российского Государственного банка и перевода заложенных имений под руку государеву. – В 1745 году был увеличен до пятидесяти пяти копеек, оброк с дворцовых крестьян, формально также равнявшийся сорока копейкам, в 1743–1750 годах составлял в среднем шестьдесят семь копеек. В 1755 году вырос до одного рубля с души мужского пола, а в 1762 году – до рубля и двадцати пяти копеек. В 1761 году оброк государственных крестьян увеличен до одного рубля. А в частном имении и до двух доходит.

– Действительно выгоднее быть в крепости не у помещика.

– А еще лучше вольной птахой летать. За службу государственную получали когда-то дворяне землю. На войну ходили, кровь проливали, кормиться им как-то надо было? Денег в те времена на Руси не особо много имелось.

– *Homo sine pecunia imago mortis*, – торжественно провоз-

гласила Софья.

В переводе с языка вымерших римлян на наречие родных осин: человек без владений как мертвый.

— Какая ты у меня умная, — показательно восхитился я. — Так, да не так. Не одними полями можно богатеть.

— Предприятиями. У тебя их не перечесть. Сам, наверное, не помнишь.

— Зато я кое-что другое прекрасно помню. Ни на одной мануфактуре или заводе все имущество мне не принадлежит.

— Так товарищество, и работникам для пущего усердия выделял долю. О том все знают.

— И это тоже чистая правда. Но то для всех. А тебе могу и заднюю мысль поведать: очень мне не понравилось, что у впавших в немилость Меншикова и Долгоруких с прочими Биронами отбирали имущество. И не важно, честно заработали, в наследство получили, подарки царские или наследство. Все подчистую. Когда несколько владельцев, уже просто так не отнять. А если записано на крестного сына, так официально и вовсе не мое имущество. Вот так. И не спрашивай с удивлением, почему не хочу прижизненного издания. Без обиняков с тобой беседовать стану, раз уж замахнулась на образ мой литературный. Да ведь всю жизнь играл по своим правилам, где не всякая мысль для общего употребления. Всегда два писал и три в уме держал.

Еще и потому многие законы проталкивал, что пытался

создать власть, охраняющую закон и порядок и позволяющую строить и создавать новые предприятия без опасения прихода начальников, отбирающих по неизвестным соображениям в казну. У нас в Российской империи до сих пор разрешение на открытие предприятия именуется привилегией и доступна не всякому. Петр создал не условия для развития капитализма, а пародию на него, где промышленные предприятия власть держала в жестких рамках, приравняв к поместью.

А я пробил закон, уравнивающий купцов первой гильдии в правах с дворянством. Им дозволялось создавать свои органы самоуправления – торговые сообщества, суды, выборные органы, акционерные общества. И даже сверх того. Раньше по уголовному законодательству при осуждении представителя низшего сословия – купца, мещанина, зажиточного крестьянина – принадлежавшее ему имущество подлежало конфискации. Частенько случалась несправедливость. Пришлось сдвинуть гору, чтобы добиться права наследования и отменить реквизиции, за исключением возврата украденного и случаев государственной измены.

– И даже при императрице об этом думал?

Вряд ли сама замечает, но для нее существует только одна Великая Анна. С рождения жила при правлении, и на фоне достижений теряется практически бесследно и Анна Иоанновна, и Екатерина.

– Никто не вечен, и жизнь непредсказуема. Ты хоть пред-

ставляешь, насколько меня ненавидели шведы с прибалтийскими и прусскими немцами?

– Я видела неоднократно отношение, но не задумывалась, – озадаченно сознается Софья. – Прусские понятно, шведы с прищемленным самолюбием тоже. Но почему остзейские? Их никто не притеснял.

Вот так. Подросло новое поколение, и уже десятилетней давности события исчезли в мраке прошлого. И она всерьез надеется создать нечто интересное людям? А, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вспоминала о проблемах с мужем и разводом. А мне поболтать о былом приятно.

– Приняв эти территории в свое подданство, Петр обещал соблюдать привилегии именовавшегося рыцарством местного дворянства, полученные им ранее от шведских королей. Сохранены были традиционные органы местного самоуправления дворян и горожан. Более того, на территории Лифляндии и Эстляндии продолжало действовать шведское имущественное и уголовное право, а в Петербурге со временем была создана специальная апелляционная инстанция по судебным делам – Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел.

– Да, я помню.

– Тогда недурственно было бы поднять материалы о проведении губернской реформы в России, – тоном умудренного старика подсказал я.

Софья вопросительно приподняла бровь: мол, а ты на что?

Я вздохнул и остановился, ноги уже не те, и хочется посидеть.

– Мы последовательно превращали Россию в унитарное государство с единообразной системой управления на всей территории страны. Фактически отбирали привилегии и льготы, ставя всех на один уровень. За основу разделения страны на губернии были взяты территории с населением триста – четыреста тысяч человек. Они в свою очередь делились на уезды с населением в двадцать – тридцать тысяч человек. Во главе губернии находился губернатор, обладавший высшей полицейской и военной властью на вверенной территории. Попутно создана система судов разных инстанций и сословий по уголовным и гражданским делам, отделенных от административной власти.

Мне очень хотелось не просто подойти к принципу разделения властей, но и шагнуть дальше, позволяя заседать в государственных органах и мещанам с крестьянами. С порога отвергли данный пункт все подряд. Низшие боялись давления дворян, высшие – конкуренции податных. Реально создавалась эффективная система местного управления, обеспечивавшая более высокую степень контроля населения на всей территории страны.

Заодно решался трудный вопрос управления на местах за счет участия дворянства, получившего представительство в органах власти и ряд должностей во вновь создаваемых учреждениях. Выбранные на те или иные должности шляхтичи

становились правительственными чиновниками, проводившими на местах политику центра, получая попутно чин в соответствии с Табелью о рангах.

Забавно, но уже задним числом обнаружилось еще одно последствие помимо двойного увеличения чиновников в количестве. В Москве к началу реформы жило почти миллион человек, а спустя несколько лет при очередной ревизии оказалось потеряно почти двести тысяч. И они вовсе не умерли от болезней или сгинули еще от каких-то ужасов. Представители благородного сословия, реализовывая право выходить в отставку, перебирались в имения, а многие занимали гражданские должности в новых местных органах.

Провинциальные города принялись расти и хорошеть, застраиваясь в европейском вкусе, обзаводились театрами, клубами и многочисленными магазинами. Торговля и ремесла невольно тоже оживились, ведь не каждый имел средства выписывать новые вещи из столицы. Вот так и появляются вовсе не запланированные первоначально положительные последствия. Или отрицательные, что тоже имело место неоднократно.

– Возвращаемся, – провозгласил я решительно. – Хватит на сегодня.

– Но деда!..

– Думай, девочка. В жизни пригодится. На Остзейские земли распространялись общие для всей России налоги, рекрутский набор, городское управление унифицировалось

Жалованной грамотой городам, на деле не жаловавшей, а отнимавшей права на контроль за крестьянской торговлей и на определение размеров таможенных пошлин, акцизов и налогов. Упразднялась монополия цехов на учреждение мануфактур, а русский язык вводился в качестве языка делопроизводства и администрации с рассрочкой на пять лет. Не сдавших экзамен увольняли. В городах прежде сидели сплошь немцы, держащие в узде латышей с эстонцами. Заодно поощрялось переселение русских и иностранных предпринимателей для создания конкуренции местным производителям и купцам. О, как они взвились! Даже забыли разногласия с дворянством. Сколько посыпалось жалоб и возмущенных докладных с описанием грядущих катастроф! – Я невольно усмехнулся. – Анна Карловна приказала отвечать по-русски на немецкоязычные адреса и петиции. А публично заявила: прибалтийские крестьяне являются, как и все остальные, подданными российской императрицы.

– Она ведь грозила отпустить на волю без воли хозяев? – со смесью восторга и ужаса спросила Софья.

– Она давила на дворянство, заставляя его признать права крестьян на движимое имущество, неотъемлемое наследственное право на пользование своей усадьбой, позволить прикрепленным свободно продавать продукты собственного производства и предоставить им право подавать жалобы на своих помещиков. Не допускать продажи с торгов за границу мужей без жен, жен без мужей, родителей без детей. Опреде-

лить в точности те случаи, в которых владельцу могло быть разрешено сгонять неисправных хозяев с земли. Положить раз и навсегда законный предел вспомогательным повинностям, ограничив в особенности подводную и винокуренную, определить виды и меру наказаний, отменив вовсе кандалы и арест на продолжительный срок в холодных помещениях.

Фу. Не такой я уж и дряхлый, пару верст незаметно одолел, заливаясь и треща. Дорога назад всегда почему-то кажется короче. Хотя топать еще и топать достаточно долго.

– И заставила, провозгласив публично, что императрица Российская, а не Лифляндская, и будет издавать те законы, которые считает наиболее полезными государству.

– И все уверены, что с твоей подачи?

– Девочка, постарайся все же не просто слушать. Следующий шаг – ввести эти положения для всей России. И очень многие мгновенно просчитали следствие. Русских вельмож тоже коснутся ограничения! И они оказались правы. Позже вышел еще один указ, определяющий возможность выкупить вольную. И отказать по дурному характеру или еще каким причинам нельзя. Закон!

– Страшно, – подумав, сказала она.

Точную фиксированную сумму указать было невозможно. Суммы и цены растут, в разных местах стоимость земли разная, да и люди не одинаковы. Один с профессией, другой простой пахарь. Потому размер выкупа помещичьего крестьянина определялся суммой, которая приносила ежегодно

проценты, равные оброку, уплачиваемому выкупающимся.

Конечно, здесь имелись скользкие моменты, как в любом законе. Особо ушлые помещики могли и задрать сумму оброка на огромную высоту, но тогда они имели шанс доиграться до бунта. А чуток поднять расценки вполне нормально. Должны же хоть что-то получить взамен? Тем более масового выхода до сих пор не заметно. Землю ведь с собой не унесешь. А такие суммы могли иметь лишь разбогатевшие на отхожих промыслах. Ну так они и знали, куда идти. Только не каждому дано подняться.

В центральных губерниях процентов сорок на оброке, в северных доходит местами до восьмидесяти, но серьезные капиталы завелись у одного из ста таких ходоков. И то удачно в сравнении с прошлым. Они теперь могут записываться спокойно в мещанство и купечество.

– Четыре серьезных заговора последовало, – с усмешкой сообщил я, – не считая обычных болтунов. Даже по пьянке молвить «Нынешней-де государыне, надеюсь, недолго жить» достаточно опасно. Таких не меньше сотни просторы Сибири осваивают. Нервов потрачено много, но я и сейчас считаю, оно того стоило для пользы державы.

– Так все-таки ты!

– Общий проект писал, не отрицаю. Без Анны Карловны сам бы ничего не сделал. Здесь воля нужна и поперек многих идти. И не испугаться. Много на свете критиков, но крайне мало готовых и способных в любой момент и по первому

требованию занять место критикуемого им и выполнять на пользу государства, а не себе в карман.

— А теперь они все вокруг Дмитрия собрались, — понимающе подвела итог Софья.

И это мой огромный просчет. Я сделал ставку на наследника. Петром его не зря назвали, с дальним прицелом. Пусть и не лично воспитателем был, но подбирал учителей, составлял программу обучения, объяснял непонятное и вводил в курс происходящего. Царевич был «бодр умом» и охотно узнавал новое, будучи любопытным и сообразительным от природы. К двенадцати годам в совершенстве овладел латынью, знал польский, французский и немецкий языки. Он читал труды эллинских и римских классиков философии, изучал математику.

К шестнадцати высказывал вполне здравые суждения и вел переписку со многими известными учеными и людьми. Не стеснялся спрашивать совета и перепроверял его у других специалистов, поступая на манер умудренного опытом мужа. Ну кто мог заранее знать, что, полностью соответствуя своему тезке, первому императору, полезет в холодную разлившуюся Неву, спасая людей, и умрет от воспаления легких?

Если бы хотя бы за год до этого не выдали замуж за короля Дании Кристиана VII единственную дочь Анны и его сестру Елену! Вполне могла повторить путь матери и стать императрицей. Ничуть не хуже характером, и в отличие от

сыновей Анна ее любила, лично занимаясь воспитанием. А вышло то, что вышло. Не проявлявший особенных способностей и не готовившийся править Дмитрий выиграл в основном — остался жить, и заменить его некем.

Его окружение сплошь шведы с немцами и меня крепко недолюбливает. Даже вынужденную женитьбу Дмитрия на бывшей невесте брата Екатерине ставит в вину господину Ломоносову. Будто имелись другие варианты. Выдрать согласие на брак с сестрой короля Великобритании Георга III оказалось отнюдь не просто.

Екатерина по-нынешнему, Каролина Матильда до крещения, безусловно не глупа и с первого же дня своего пребывания в Петербурге сознательно стремилась сделать свой образ более привлекательным для подданных. Старательно учила язык, окружила себя фрейлинами русского происхождения и усердно соблюдала православные религиозные обряды.

Брак с Дмитрием вышел неудачный, рождение наследницы ничего не изменило. Стало хуже. Ему, видите ли, мечталось о мальчике. Она неожиданно оказалась в противостоянии немецко-шведскому соборичу вокруг мужа. Пыталась наладить связи для укрепления своего положения при дворе, и я стал не самым худшим из советчиков. Однако внезапная смерть Анны вновь перечеркнула все расчеты. В отставку меня пока не выгнали, но фактически я отправлен доживать век в Царицыно. В моих услугах более не нуждаются.

Деньги, впрочем, по-прежнему за кучу государственных

постов выплачивают. Я все равно последние лет пятнадцать из них выдаю стипендии особо одаренным и безденежным ученикам для дальнейшего обучения в университете или по иной части. Не совсем бескорыстно. После окончания они три года на меня горбятся. Правда, не в качестве идущего за плугом. По специальности.

Окончившие Горный институт принесли немалый барыш. Угольные шахты на Миусе, медные залежи в Оренбургском крае, где добывают породу открытым способом, золотые рудники на юге Сибири и в Алтае, дающие уже десятилетие в среднем ежегодно до тридцати пудов драгоценного металла и триста серебра. Пусть казна по твердой цене забирает, но и мне немало приходит. Все затраты на стипендии окуплены стократно.

И это только с моих шахт немалый доход. А бирюсинские государственные за десять лет четыреста пудов золота добыли. И всего намыывают до сотни пудов золота в год на Алтае, Урале и Саянах! Не знаю, что бы делала Россия без такого дополнительного источника средств во время войн. На Урале золотник драгоценного металла обходился вначале в три, потом в полтора рубля. А с появлением промывательного станка Фролова и того дешевле. Кузьма Дмитриевич двух сыновей за мой счет выучил и сам звание офицерское получил по заслугам. А ведь есть и другие достижения у моих «крестников»!

Глава 4. Императрица Анна

– В детстве я все больше восхищалась императрицей издали, – задумчиво сказала Софья, когда, вернувшись в дом, мы прошли в кабинет и я уселся, с удовольствием вытянув ноги. – Стеснялась подойти, пусть и видела, как просто она себя ведет. Всегда была вежлива даже со слугами: «пожалуйста», «будь любезен», «спасибо», «много тобою довольна». Она казалась спокойной и холодной и, по-моему, расчетливой.

– Она такая и была. Эгоистка с гордым нравом, непомерным честолюбием, уверенная в праве сидеть на троне и отдавать приказания. И одновременно никогда не вела себя резко по отношению к окружающим. Не любила этикет и придворные церемонии. Ненавидела подписывать смертные приговоры и очень обижалась, выяснив в очередной раз, что близкий вельможа ее обманывал. В глубине души ей мечталось спокойно нежиться в постели, вставать поздно и гулять на природе с подругой. А всю работу пусть делают другие. И всю жизнь себя переламывала, вставая с рассветом. Сама разжигала печку и садилась за письменный стол, приступая к вечно не заканчивающимся трудам. Читала поступившие докладные, накладывала резолюции, писала письма.

– Тебе?

– И мне тоже. А также иным ответственным людям, вы-

полняющим самые разные поручения и отчитывающимся лично.

– Не поняла, – озадаченно созналась Софья.

– Ну например, Фалеев сообщал о расчистке Днепровских порогов или сдаче военных кораблей во время Второй турецкой войны лично императрице. Вообще она строительство практически всей системы каналов контролировала, не доверяя никому. Даже совершала путешествия с проверками. Попутно и на обстановку в стране посмотреть. В газетах писали, что путешествия предпринимаются «для поправления недостатков». Например, императрица посетила Прибалтийские губернии, через год – Ладожский канал, а в 1767 году плавала по Волге.

Еще и дополнительный способ выяснить, что происходит на местах, а не одни докладные читать. Жалобы на действия местной администрации и притеснения со стороны помещиков поступали во время поездок регулярно. И на меня тоже. В Киеве Анна была дважды, в Крыму и Литве по разу.

– Это была ее идея – связность по воде. Точнее, еще Петр Алексеевич решил создать систему каналов. В 1703 году началось строительство Вышневолоцкого канала для выхода в Ладожское озеро и далее к Балтийскому морю. С 1697 года строился Волго-Донской канал. Ежегодно слюзному делу...

Софья улыбнулась. Типа умная и слово «шлюз» знает. А коверкали неспроста. В народе говорили «к слезному». Вот такие мелочи и делают картину обстановки выпуклой.

— ...сгонялось ежегодно десять — пятнадцать тысяч человек. Нехватка финансирования и материалов, а также война остановили это и добрую половину его начинаний, а усилия и траты пропали втуне.

Кажется, меня в очередной раз понесло слегка не туда. Про Петра принято либо хорошо, либо ничего. С юности я получил достаточно данных о начинаниях первого императора и во многом теперь согласен с критикой простого помора, всячески его обзывавшего. Петр I пихал Россию в одном ему известном направлении в экстремальном темпе и невзирая на ситуацию. Регулировал буквально каждый параметр, связанный с производством, начиная от размещения предприятий и заканчивая номенклатурой необходимой продукции.

Он распоряжался купцами как госслужащими — поручал им строительство мануфактур, обязывал госзаказами, заранее назначая цену. За редким исключением именно в Петровскую эпоху богатейшие московские купеческие дома-фирмы были разорены. Ничего удивительного. Торговля отдавалась на откуп одному или нескольким понравившимся ему людям. Продажа товаров, таким образом, монополизировалась конкретным откупщиком, выплачивавшим в казну сразу или по частям определенную сумму, которую он, конечно, стремился с лихвой вернуть себе за счет потребителя или поставщика сырья.

В результате император убил на корню возможность со-

здания сильного третьего сословия. Ну а то, что на этом фоне крестьянин окончательно стал не зависимым, а имуществом и с 1722 года священникам было под страхом смерти указано докладывать о «несделанном, но еще к делу намеренном от него воровстве», а всем подданным – обязательно ходить к исповеди хотя бы раз в год, – это уже кремовая розочка на торте. И не уклонишься – следить за явкой прихожан положено приказчикам и старостам.

Я не особо верующий, точнее говоря, с сильным подозрением отношусь к церковным догматам. Горящего куста или явления Гавриила с Михаилом с мечами наперевес до сих пор видеть не доводилось, хотя уж мне-то есть о чем поведать. Но эти указы уже запредельные, как и не посмевавшая возмутиться священническая братия. Зато про меня в их среде много чего говорили. С таким пылом и жаром проклинали за все мои деяния, что прислушайся высший судия к их молитвам, давно бы шарахнул молнией.

Секуляризация церковных имений и передача их в казну до сих пор воспринимается жуткой несправедливостью. А на самом деле экономически продуманный план с разработанными шагами его осуществления и подготовленными институтами, которые должны были принять имущество у церкви. Отобрали миллион с лишком тысяч душ крестьян и восемь с половиной миллионов десятин земли на первом этапе. Потом еще, и на вновь присоединенных территориях повторяли удачный шаг.

В первые четыре года переведенные в государственную собственность крестьяне принесли в казну около полутора миллионов рублей оброка. На содержание церкви в этот период шло около четырехсот шестидесяти тысяч, то есть треть. Чистый миллион без особых усилий, добрая десятая часть всех поступлений! К концу царствования Анны бывшие церковные имения приносили около четырех миллионов рублей в год, а сумма, выделявшаяся на церковь, увеличилась незначительно, только до полумиллиона, что составило одну восьмую часть. Государство приобрело семь восьмых в ходе секуляризационной реформы. Естественно, лишенные прибыли такого размера духовные отцы злобствуют.

Что касается последствий для архиерейских кафедр, прямой хозяйственный ущерб потерпели только три – Казанская, Новгородская и Ростовская, где ежегодный доход превышал три – пять тысяч рублей, которые были положены от государства. Остальные кафедры выиграли – оклад, положенный от казны, превышал их бывший доход от имений.

Иначе обстояло с монастырями. В великороссийских губерниях было упразднено пятьсот семьдесят три монастыря. Осталось четыреста семьдесят девять монастырей. Кто в списке – штатные – получали государственное содержание. Заштатные его не получали, а должны были кормиться рукоделием и подаванием. Кроме того, обителям были оставлены небольшие земельные наделы в шесть – девять десятин. Принципиальной особенностью было то, что в эти наделы не

входила пахотная земля. Это сады, огороды, луга, покосы, но не пашня.

Для себя, что ли, старался? От ненависти это не избавляло, скорее добавляло. Укради я, они бы поняли, но то, что отнял для использования на образование народа, организацию школ, гимназий и университетов, в зашоренных умах не укладывается.

В итоге всю свою карьеру я собирал вокруг людей незнатных, обязанных лично мне, и тихой сапой ломал прежнее устройство государства. Нельзя стране двигаться на пользу одного сословия. Иначе дождемся взрыва. Экономика страны сильна тогда и только тогда, когда предпринимательство пользуется уважением. Первыми богатеют люди талантливые, энергичные, пробившиеся из низов. Им часто не хватает знаний, широкого кругозора, они неотесанны, грубы и жестоки, но предприимчивы и практичны. В конечном счете приносят пользу стране. Это же всем и каждому не объяснишь, когда быют по карману или привилегиям.

Назначение торговли – кормить и одевать людей как можно дешевле, повторял бесконечно. От того всем польза. И каждый раз при новом указе, облегчающем жизнь всех, кроме чело­ве­ков­ла­дель­цев, ожидал ножа в спину от разгневан­ного дворянства.

– Анна собиралась нарастить поток товаров. Речь именно о физической возможности, поскольку лошадь, даже самая сильная и выносливая, везет грузов гораздо меньше, чем

обычный баркас. Выход России к Балтийскому морю, возрастание роли Петербурга требовали удобных водных сообщений новой столицы с внутренними районами страны. Помимо Вышневолоцкой водной системы построили Тихвинскую и Мариинскую. Деньги огромные, только на Днепровские работы истратили до двух миллионов рублей. Но шли они из ее личной канцелярии за счет алтайских и сибирских золотых и серебряных рудников. Потому и следила пристально.

Многое сделали. Речной путь Каспийское море – Волга – Вышневолоцкий канал – Ладога – Нева – Петербург связал Поволжье и Волго-Вятский район с северо-западными землями. Кроме того, нитка Водла – Онежское озеро – Свирь – Ладожское озеро – Нева связывала северо-западный регион с северо-восточным. Оставалось лишь соединить Волгу и Дон, чтобы присоединить к существующим торговым путям и юг России с Азовским и Черным морями. Но данный проект так и остался нереализованным. После внимательно-го изучения инженеры доложили: огромные средства на постройку, отсутствие достаточного количества народу в ближайшей округе, и, что гораздо важнее, движение судов по нему могло бы осуществляться лишь в весеннее время, когда реки были полноводными.

Петербург оставался самым большим речным и морским портом России. По дороге от поля до столичных пристаней стоимость зерна возрастала раза в четыре. От волжско-

го хлебного пути питались многие десятки тысяч работников – крестьяне, мельники, плотники, бурлаки, коноводы, крючники, капитаны, лоцманы, крестьяне, делавшие рогожные кули, матросы, кабатчики и лавочники волжских пристаней, рабочие шлюзов. Но больше всех наживались хлебо-торговцы, с каждым годом их барыш увеличивался.

– Она ведь и с Доротеей Эркслебен письмами обменивалась, – по непонятной женской логике перескочила с темы каналов Софья. Видать, надоел экономическими выкладками окончательно.

– Со многими известными женщинами переписывалась, – согласился я, оставляя в стороне излишние подробности.

Конечно, Доротея Эркслебен, получив разрешение на обучение специальным приказом Фридриха Прусского, стала первой женщиной-врачом в Германии, и очень известной. Получила свою степень доктора медицины в Университете Галле в 1754 году. Не сказать, что такой уж замечательный специалист... Ну нормальный средний уровень. Зато опубликовала сочинение, в котором утверждала, что женщинам должно быть разрешено обучаться в университетах.

Анне понравилось. А по мне, после отказа принять приглашение императрицы приехать, надо было забыть о дуре. В конце концов, не одна она такая на свете, и кроме Германии другие страны существуют. Лаура Басси назначена профессором анатомии в 1731 году в Университете Болоньи, в возрасте двадцати одного года, избрана в Академию наук в

1732 году. В следующем году получила кафедру философии. Такая карьера и мне не удалась. Двадцать с лишним статей по физике и гидродинамике, невзирая на кучу детей. До сих пор физику преподает.

Подумал и не стал приводить доводы против женской эмансипации. Все же не ретроград какой, и дозволение на обучение в российских университетах девушек давно существует. Не сказать чтобы так много шли в науку. Фактически ни одной. Справедливости ради замечу: среди учителей и фельдшеров появились женщины, но то в женских классах и в больничных соответствующих отделениях вроде акушерского.

Зато я вспомнил еще одну историю с письмами.

– У меня на содержании достаточно долго были журналисты и даже парочка газет в Англии, Дании, Голландии, Германии. Когда нужно устроить шум против правительственной политики в тех державах или склонить общественное мнение в нашу пользу, подбрасывал им материал. Так императрица придумала даже лучше: якобы от лица фрейлины, недовольной чем-то, слала сообщения о внутренних и внешнеполитических акциях. Излагала от чужого лица свою точку зрения, приводя прямые слова и цитаты.

– Генеральша Краснова? – изумилась Софья.

Через несколько лет после публикации первого письма нельзя было найти ни одну известную французскую или немецкую газету, где бы еженедельно не перепечатывались

эти разъяснения. То, что иной раз нельзя было сказать открыто по государственным каналам, приносили любому булочнику в Лондоне прямо на порог. Забавно, но многие за границей верили во всю эту историю и пытались вычислить интриганку. Даже инструкции послам присылали. Секреты через болтливую добывать.

– Она самая.

Шуточки у моей царицы не отличались тонкостью. Сказала по поводу псевдонима: раз продаюсь, буду не хуже твоей всезнающей капитанши. Токмо рангом повыше. А признаться, зачем я регулярно шляюсь в столь интересное заведение, мне пришлось. Реально иногда ревновала к женщинам. Я ей Лопе де Вега «Собаку на сене» подсунул, фыркнула, и все. Еще и потому не женился. Не хотелось вызвать недовольство. Да по чести сказать, положение вполне устраивало.

Ну не делиться же, право слово, с внучкой такими подробностями. Эмма Максовна нынче уже в возрасте и ведет жизнь богатой вдовы. В Крыму о ее прошлом никто ни слухом ни духом. А до сих пор у нее свербит, и шлет послания о происходящем вокруг. А я отвечаю. Нам обоим от сотрудничества много пользы вышло.

И это не вспоминая законы о проституции. Имея такие знакомства, невольно задумаешься. Что там творилось в Японии в ивовых домах, или как их там правильно, помню очень смутно. Но оставить на самотек еще один источник дохода для государства оказалось выше моих сил. Уличную

проституцию запретили указом Сената, зато оказывать услуги с шестнадцати лет в определенных домах, находящихся не ближе трехсот метров от церквей, училищ и школ, самое милое дело. Естественно, при условии регулярного посещения врача, о чем необходимо иметь справку.

Дополнительно несколько правил, вроде запрета на приставание на улицах и в общественных местах, не принимать мужчин до восемнадцати лет и регистрация в полиции, обеспечивающей надзор. Сутенеры при таких порядках обычно без надобности, и порок загоняется в определенные рамки. Ну и соответственно в зависимости от категории заведения выплачивается пошлина.

Делиться с Софьей столь занятным способом пополнения доходной части бюджета не собираюсь. Захочет – самостоятельно выяснит. Много есть вещей сегодня людям привычных, введенных через мою подсказку. Нумерация домов, облегчившая ориентировку и работу почты, не самая заметная. Раньше вместо адреса писали «на дом такому-то», и легко обнаружить соответствующий можно в небольшом городишке, а не в Петербурге или Москве.

Употребление постного масла. Регулярные лотереи, средства от которых идут на Сиротский дом. Единый финансовый баланс, фиксирующий все доходы и расходы державы. Теперь хоть видно, насколько траты временами превышают поступления.

И конечно же Кодекс христианина, регулирующий отно-

шения между крепостными и их хозяевами. Шесть десятков статей, включающих уже озвученные ранее на коронации. Право подавать в суд жалобы, причем не только письменные, но и устные, по поводу жестокого обращения с ними, а также если им запрещают жениться. Хозяева не могут беспричинно бить, мучить или убить своих крепостных, за это предусматриваются как штрафы, так и уголовные наказания.

Естественно, на практике помещики часто оправдывали жестокое обращение бунтами или другими правонарушениями, но парочка показательных процессов достаточно ясно продемонстрировала направление мысли власти. Крепостное право уничтожено не было, но формы его значительно смягчились. Улучшилось и упрочилось имущественное положение крестьянина. Право покидать одно поместье и переходить в другое давало ему возможность переменить слишком тяжелые условия жизни на более легкие. Помещик со своей стороны почувствовал тесную связь собственного благосостояния с довольством своих крестьян.

Были и проблемы. Мелкие имения нередко разорялись, богатые стремились привлечь рабочие руки, давая дополнительные льготы. Ничего ужасного. Дополнительный дворянский контингент, не из скуки, а по необходимости идущий на службу в армию и всевозможные канцелярии. Кто-то и с купечеством сроднится либо сам подастся в предприниматели или на жалованье к солидным людям. К лучшему или худшему – можно выяснить разве что через пару поколений. По

мне, важно стремиться ускорить процесс разложения дворянского сословия, всеми силами содействовать его обезземеливанию и срастанию с буржуазией.

– Возвращаясь к распорядку ее императорского величества... Поработав часок-другой в одиночестве, звала слуганок и одевалась. Легкий завтрак, и она звонила в колокольчик, чтобы стоявший у дверей дежурный камердинер пригласил приехавших чиновников.

– Почему не в спальне?

Специально для утренних приемов при многих дворах существовали парадные спальни, в которых никто никогда не спал. Одна сплошная видимость.

– А назло французам. Обычай принимать должностных лиц в королевской опочивальне пришел из Парижа. Не любила Анна австрийцев и галлов. Иногда это даже влияло на суждения и решения. Впрочем, и англичан с пруссаками не особо. Хотя правильной сказать, отношение распространялось на монархов и их ближний круг. К простому народу претензий не имела. Но те и не решали ничего. Так о чем я? А...

Должностные лица заранее знали время своего доклада и загодя собирались в уборной, ожидая вызова. Военные непременно согласно регламенту в мундирах. У многих должностей имелись собственные приемные дни. Для генерал-прокурора Сената – понедельник и четверг. В среду – обер-прокурор Синода, и так далее. В случае важных и неотложных дел любой из соответствующего уровня чиновников

имел право приехать в любое время. Тебе еще не надоело?

– Нет!

– А тогда какое отношение к моей биографии имеет Анна с ее распорядком дня?

– Но это же все важно!

– И можно без труда найти в журнале посещений, коий вели на постоянной основе ее статс-секретари.

– Еще не так давно мне представлялось, – сказала Софья, – что написать твою биографию достаточно просто. Берешь по годам и начинаешь излагать подробности. Все неясное легко уточнить. Причем у объекта лично.

Я невольно хмыкнул. Субъекта, на самом деле. Или это я по привычке в очередной раз путаю?

– А ведь все не так. Как принялась копать, задумалась: человека даже близко знакомого не так просто понять без знания обстановки. Личные побуждения могут серьезно не совпадать. Опыт у нас разный. Как Юрка сказал, он сын фельдмаршала, а не крестьянина. Никогда не сумеет повторить путь отца.

И не надо, подумал я. Ни одному из своих детей не пожелаю всю жизнь врать окружающим и даже в постели с любимой женщиной бояться лишнее сказать. Он стервец большой, да не старается изображать правильное поведение с постной рожей. А мне приходилось.

– И мне кажется, лишения, перенесенные в детстве, побуждают с невиданным упорством преодолевать трудности и

создавать нечто новое либо усовершенствовать старое. Преуспевая в своем деле, «выскачка» доказывает себе и окружающим собственную состоятельность и завоевывает уважение. Материальное благополучие играет второстепенную роль.

– Браво! – Я демонстративно поаплодировал. Похоже, она самостоятельно изобрела психологию. Уже и травмы детства всплыли. Фрейд вроде в конце девятнадцатого века жил. Прогресс! Не без моих усилий, но заметный. Нечто такое вставит в книжку, и непременно найдутся обратившие внимание на идею. – Сама жизнь приучает «выскачек» к нарушению общепринятых норм поведения. И они невольно становятся восприимчивы к новым идеям и информации и легко перестраиваются сообразно новым обстоятельствам. В самую точку!

– И твое влияние на императрицу благодаря случайно доставшемуся месту еще в детстве было огромно.

– Ты упустила главное. У нее тоже было не самое сладкое детство. Да и сидя на троне, постоянно приходилось доказывать окружающим, кто в России самый главный. Мало издать закон, гораздо важнее проследить за его исполнением. Но значительнее для образа, что и ее костюмный стиль, вопреки европейской моде, перебивший французский, и даже употребление чая или кофе – вечный вызов всеобщему мнению.

– Почему? – Недоумение Софьи было искренним. – Про

женские платья и категорический отказ от париков понятно. У нее были роскошные волосы даже в старости.

Вот паршивка! Где она обнаружила старость? С точки зрения молодых, те, кому за сорок, помнят Ивана Грозного. Даже я еще молод, хотя и Петра не застал. Душой уж точно.

– Кофе к нам пришел из Парижа. В Европе считался скорее мужским напитком. Не отставал и Лондон, здесь в кофейни не допускали представительниц прекрасного пола. Она пила кофе, чуть ли не демонстративно на приемах. Кто надо очень хорошо намеки понимал.

А некоторые и прямо выдумывали. Во многом из французских пасквилей тянулось представление о ее жизни как бесконечной оргии. Указать хотя бы один реальный факт недоброжелатели не сумели бы, но шлейф скандальных слухов тянулся за императрицей всю жизнь, и это был своего рода ответ на измышления: «Плевать я хотела на ваши толки!» Но про Юлию и их взаимоотношения пусть Софья сама ищет. Здесь я ей не помощник.

– Как была вызовом и большая свобода для женщин у нас в стране, по сравнению с так называемой просвещенной Европой. В той же Англии до сих пор муж распоряжается приданым и имуществом жены. Она и сама вроде имущества. А у нас при разводе интересы обоих учитывают, и все это прописано в законе!

И это точно не мое влияние. Анна сама всю жизнь норовила в юридическом смысле улучшить положение слабого по-

ла. Очень многие получили развод с ее помощью, а не живут раздельно годами в ожидании решения Синода. И алименты на детей до их совершеннолетия или выхода матери снова замуж самостоятельно придумала. Цари вечно вмешивались в личную жизнь дворянства, попирая обычаи, но в данном случае многие ей были благодарны.

– Употребление чая и кофе было делом состоятельных людей. Но Анна ввела моду на послеобеденный чай. Обед долго не затягивался, а вот затем к чаю подавали различные пироги, пирожные, конфеты. И уже спокойно обсуждали самые разные вещи. Императрица свободно говорила обо всем, не исключая политику. Она любила слушать рассказы и сама делилась забавными происшествиями.

Практика приглашения друзей на чай быстро была подхвачена и укоренилась всерьез. Опять пошли в продажу самовары, хотя такой цели Анна не ставила.

– Плохо, – с прорвавшейся тоской сказал я, – что она пристрастилась к крепким напиткам. Кофе варили из одного фунта на пять чашечек, и он отличался необычайной крепостью. Чай тоже оглушительной крепости, как принято было у военных.

Вот здесь уже моя вина. Поделился рецептом чифирия. Полфунта на литр воды. Он снимает сон, и я знал многолетних чифиристов, ничуть не страдающих от регулярного употребления. В народ все равно не пошло, слишком дорого, но в очередной раз благие намерения сделали кульбит. Торгов-

ля чаем заметно расширилась и приносила неплохую прибыль государству, державшему монополию.

– От них, особенно от кофе, действительно наступает прилив сил. Но нельзя пить постоянно. Плохо влияет на сердце. Может, потому Анна и сошла в могилу раньше срока. Не рекомендуется все время организм подстегивать... Да! – крикнул я, когда в дверь постучали.

В тяжелой многолетней борьбе удалось приучить слуг предупреждать о появлении. Теперь они не вламываются без спросу.

– К вашей милости приехавши господа, – сообщил мой новый секретарь.

Поставки из Сиротского выпускников обоего пола в нужные для политических и иных связей дома продолжались не первый год. Обычно после гимназии лучших я отправлял в университет или Горный институт. Оттуда выходили не одни геологи, как может показаться по названию, еще и с инженерными специальностями. Семь лет предприниматели содержали на собственные деньги училище, прежде чем была государством признана польза и повышен статус до института.

Для страны полезнее технические специальности, но кто имел скорее гуманитарный склад ума, тоже не пропадал. Некоторых я брал к себе в качестве конторских служащих. Других рекомендовал в полезные мне места. Во дворце и министерствах, сменивших коллегии, в стенографистах и гра-

мотных людях по-прежнему нуждаются. Всячески отличал людей умных и способных, приближал их к себе, награждал. Советов трудиться с большим рачением, упорством и энергией, говоря, что только такой труд откроет для них «путь к успехам и счастью», не давал. Сообразительные сами к этому придут, дуракам подсказка не поможет.

Изредка и моему многолетнему бессменному секретарю Зосиме Шалимову подкидывал наиболее смысленных на обучение. Тот сведущ, начитан, честен – что редкость, разборчив, проницателен и надежен в работе. Уж он им спуска не давал. Слегка пообтершиеся и доказавшие полезность шли на повышение в самые разные канцелярии. Или умело цеплялись в Стешины подручные. И во дворце, и в моих имениях всегда дело находилось. Но понравиться ей не так просто. Этот был из новеньких и еще не очень пока представлял куда угодил.

– Кто приехал, обормот?

– Граф Давыдов-Крымский, – загибая пальцы, принялся перечислять Кузьма, – промышленник барон Вахтин и купец первой гильдии Гейслер.

Чего вдруг сразу толпой примчались? Вряд ли вместе приехали. Ничего общего у них, и Афанасий Романович вообще с Кавказа прибыл и в здешних делах ни сном ни духом. Плохой знак его появление.

– Потом у Зосимы поинтересуешься, как правильно представлять уважаемых людей.

– Будет исполнено! – проорал, как на плацу.

– А повторится – накажу. И не кричи, пока не глухой.

Тут он уже не посмел рот открывать. Слышать я натурально стал хуже на правое ухо. Наверное, из времен молодости догнало. Стреляли рядом много, и, случалось, в помещениях. Только это не повод кричать.

– Графа Афанасия Романовича Давыдова со всей вежливостью проводишь ко мне, Семена Вахтина в гостиную... Софья, сделай одолжение, проводи его и угости чаем с пирожными. Побеседуеть заодно о былом.

– А этот... как его... третий? – спросила она.

– А перед ним ты, Кузьма, очень вежливо извинишься за мою занятость, попросишь подождать и проводишь в музей. На золото скифское полюбоваться.

– Так, может, лучше...

– Не лучше, – оборвал я внуку. – Каждому овощу свое время и место. Не о чем им говорить между собой, и мне с ними лучше по отдельности общаться. Кузька!

– Да, Михаил Васильевич! – вздрогнул тот от моего рева.

– Ступай выполнять! Софья, возмешь его в помощь. Ежели разбираться в бумагах потребуется, ящики с письмами тягать, да мало ли... Застоялся явно наш помощник секретаря без работы.

– Спасибо, деда, – довольно улыбнулась Софья.

Это она рано радуется. Замучается мой почерк разбирать.

Глава 5. Заговорщик в золотых погонах

Афанасий Романович влетел в дверь и, не утруждая себя расшаркиванием и объятиями, провозгласил:

– И как тебе это нравится?!

Совсем не нравится. Сначала вызывают для представления и отчета, затем без аудиенции отправляют в имение до особого распоряжения. Похоже, и с ним та же история. Сноровисто разливаю из графинчика заранее заготовленную водочку.

– Я не за этим сюда пришел, – возмущенно заявил он, опрокинув в горло и довольно крякнув.

– А зачем?

Он уселся на стул, положив ногу на ногу, и, непринужденно налив вторично, сказал:

– Не верю в твое показное равнодушие. Во дворце изучают прусские мундиры для реформы армии и скоро заставят Кавказскую армию маршировать, как на параде. А еще через годик выяснится, что шведы нас завоевали. Как тебе последний проект передать Финляндию под управление Стокгольма? – Он выпил и осмотрелся. – Закусить нет? Ну, мы не гордые, – откусывая от зачерствелой горбушки, заявил. – Зубы, правда, не очень. Хотя благодаря нынешним стоматологам жизнь стала значительно приятнее и веселее.

Демонстративно клацнул зубами и открыл рот в широкой улыбке. Действительно, и не разберешь где свои, а где чужие. Научились подбирать по цвету для лучшего вида. Теперь девушки от пожилых мужчин не так резво шарахаются.

– Вот за что я тебя уважаю, не любишь иностранцев, и французов с англичанами в первую очередь, а перенимать удачные находки не стесняешься.

А что делать, если после тридцати зуб заболел? Пришлось выдрать. И в процедуре приятного мало, и всерьез задумался о будущем. И пригодилось! Совсем гнилых не имею и к сладкому почти равнодушен. Видимо, потому и сохранил не меньше половины.

А тогда отправил к знаменитому Пьеру Фошару, изобретателю зубных протезов, в город Париж учеников для получения специфических знаний. Влетело в немалую сумму, но дело определено того стоило. Тем более не за свой счет – за государственный. Запросто пробил предложение оплатить учебу. Беднякам эта радость не скоро понадобится, а люди солидные не прочь получить обслуживание в удобном кресле и без кузнечных щипцов в руках целителя. Фошар даже штифты изобрел, что выяснилось задним числом.

Действительно талантливый человек, заметно опередивший время. Кресло вместо стола и набор зеркал, позволяющий заглянуть в рот, самостоятельно изобрел. Как и идею сдачи экзаменов будущими светилами стоматологии. Никаких шуток. Те трое русских студентов, сюрприз – из Сирот-

ского дома, и стали первыми профессорами в университетах. Отрабатывали в них вложенное, передавая знания помимо частной практики. Теперь уже сотни три специалистов российского происхождения имеется. Казалось бы, мало, а по данному показателю обогнали все страны Европы. Ну, наверное, не на душу населения, а по числу, и не все сразу, а по отдельности. Тоже недурственно.

– А потом раз – и сделаешь лучше. Отдельную специализацию для зубодеров придумал на медицинских факультетах. Я бы не сообразил. – Он покрутил головой и задумчиво уставился на графинчик.

Вторую порцию я не допил, и он такие вещи улавливал не хуже придворных. Вдохнул и, не предлагая, налил только себе.

– Знаешь про эту новомодную штучку с обезболиванием при удалении зуба? Без боли, надо же.

– Кокаин для местной анестезии, – сухо объяснил я. А куда было деваться, когда морфий в Германии повторили, пришлось искать другие пути для получения монопольных доходов и облегчения боли страждущим, – прошел апробацию в Институте России, как и хинин для лечения малярии. Давно не имею к нему отношения, но по-прежнему в курсе всех разработок и возможной пользы.

И это чистая правда. Сами по себе препараты несколько не тайна, но даже в медицинских кругах немногие были в курсе. Все же в Европе эти растения, как и гевеи, не рас-

тут. Идеи вводить под кожу слабый раствор кокаина для снятия боли и использовать хинин на побережье Черного моря – мои. Нет, я помнил про разнос возбудителя комаром, но даже не подозревал, насколько распространена малярия на отвоеванных землях. Легко мог в свое время подцепить хоть на Тамани, с непредсказуемыми последствиями. Полно болот и ближе к Анапе. Счастье, что там в основном в холодную пору бывал. Не озаботиться на будущее не мог.

– Верю, – проникновенно сказал Давыдов, – и про то, что все знаешь, тоже. Меня в последнее время крайне интересует, откуда так быстро новости из-за границы узнаешь?

– Магазины с казенным хлебом для того и существуют, чтобы держать резерв на случай неурожая.

Ах как обидно было, когда отстранили! Фридрих в Пруссии удержался, но в Саксонии и Чехии люди сотнями умирали, да и в других немецких землях несладко было. Мы многое могли бы поиметь. И людей для заселения, и специалистов, готовых за мизер стараться. А император Дмитрий Глубокомысленный щедрым жестом российские запасы пруссакам передать изволил. Как же, лучший друг. Фридрих чужой монарх, и интересы собственного государства должны быть ближе всего!

– Так я не о том.

– А о чем?

– Не хочешь говорить, – сказал он без особой обиды. – Ладно. Тогда поговорим как фельдмаршал с фельдмарша-

лом.

Ну вообще. До сего дня упорно твердил, что мой потолок в качестве военного – командир дивизии. А тут такие речи...

– Силезская война закончилась с ничейным результатом. Если бы не «дипломатический переворот»... – Давыдов отчетливо заскрежетал починенными зубами.

На многих та история подействовала не хуже ушата холодной воды. Идет война, Россия посылает войска на помощь Австрии, и вдруг британцы разрывает союз с Марией-Терезией и идут на соглашение с Пруссией. Десятилетиями наработанные союзы разваливаются, причем Париж моментально входит в альянс с Веной. Для Петербурга отвратительный поворот. Наш недоброжелатель и турецкий советчик заключают договор о взаимопомощи, выбивая единственного союзника на южном направлении.

Допустим, австриякам деваться было особо некуда. Но для Петербурга случившееся оказалось неприятнейшим сюрпризом, тем более Стамбул крайне недоволен разделом Речи Посполитой. Российское высшее общество осталось в глубоком убеждении, что Англия испугалась столь быстрого и заметного усиления северного соседа, успевшего проглотить огромные территории. Ну и отсутствие у Анны желания воевать за чужие интересы, защищая Ганновер от французов, сыграло свою роль. Мирные переговоры продолжались почти год. В результате мы вынужденно оказались в одной связке с Австрией и Францией. Воевать со всей Европой

невозможно, вот и пришлось идти на компромисс, чтобы сохранить уже завоеванное.

Фактически Англия заполучила всю Северную Америку до Миссисипи, Россия с Австрией поделили, как и собирались, Речь Посполитую. Вене достались Польша и Померания без свободного города Данцига, России – украинские, белорусско-литовские земли, под шумок и Курляндия, и Восточная Пруссия. Самой Пруссии – Силезия, из-за которой все началось. Фридрих вроде бы добился своего, забрав лакомый кусок под руку Берлина.

Кроме меня и Анны, недовольны результатами остались все. Особенно Франция. Хотя по правде говоря, Россия-то как раз и спасла положение, одним ударом прекратив грозившуюся перейти в многолетний кровавый конфликт неприятную свару. Тяжелая гиря в виде двух корпусов и поражения пруссаков действовала на умы. Южные подразделения, выступившие на помощь Австрии, так и не встретились с врагом. Само присутствие русской армии помогло дипломатам.

Естественно, позднее последовал и второй раунд, доказав наглядно, что без Петербурга ничего хорошего не выйдет. Только Анна очень правильно использовала ситуацию для войны с Турцией, предоставив просвещенным европейцам полную свободу старательно месить друг друга. И закончилось это подтверждением прежних европейских границ. А мы в очередной раз прибрали к рукам чужое. Воистину сто-

ять над схваткой и ждать до последнего – лучший рецепт обогащения. США в двадцатом веке не дадут соврать.

– Теперь у нас есть Дмитрий, подписывающий союз с Фридрихом. Мы отправимся воевать с австрийцами за совершенно ненужные нам земли, получив непременно войну на юге с Турцией.

– Это напрашивается, – согласился я. – Только графу ли Крымскому бояться сражений?

Занятно, но именно военные в высоких чинах чаще всего и не мечтают о сражениях. Уже накушались вдоволь, и подставляться – а счастье переменчиво – нет желания. Это молодым и горячим охота продвинуться и получить кусок славы. А Россия еще толком не переварила прошлые завоевания.

– А вот не надо этого, – хмуро заявил он, не поленившись хлопнуть еще одну порцию водки. – Там совсем другое было, не хуже меня знаешь. Когда убили Надир-хана, Персия и так вся сыпалась без нашей помощи. Туркмены нас просили принять в подданство и защитить. В Фарсе, Хорасане, Мерве, Хорезме и Хиве восстания. На Кавказе отбивались от персов и местами вышибли полностью. Все были счастливы принять помощь русских. Мы просто пришли и подобрали плохо лежащее. Вернули утраченное при Бироне.

Ну конечно, немец виноват. Давыдов и сам теперь искренне верит. Не зря я столько лет лозунги через газеты повторял. Помимо дагестанских и чеченских горцев почти всё на Кав-

казе до Батуми подгребли. Где, как в гнилой Гиляни, местные вассалы, где дающие калмыкам в войско людей туркмены, а в основном российская земля. Ереван, Баку, Тифлис, Тебриз, Астрабад после войны с Турцией за нами закреплены договором. Каспийское море нынче внутреннее для России.

Персы сами подставились бесконечной резней. Когда сосед слабеет, грех не вырвать из него кусок. Тем более богатый нефтью. Не сейчас, так позже пригодится. Может, через поколение и до моря дойдем, если османы не помешают. Никому сейчас Эмираты с Бахрейнами и Кувейтами не сдались, тем более государства эти еще не появились и в пустынях бродит две сотни верблюдов на полтысячи бедуинов.

– И если в Бухаре и Хиве платят дань калмыкам, так те по твоему приказу ходили завоевывать азиатские ханства.

Совершенно нечего взять оттуда сегодня, кроме опиума и хлопка. Только слишком далеко возить последний. Дешевле выходит пользоваться привозным от англичан. Потому нет смысла держать гарнизоны. Они вассалы калмыков, те соответственно вассалы России. Придет срок, и присоединим уже привычных голову нагибать. Да и занятие калмыкам. Пусть лучше там грабят и воюют. Через Волгу ходить не надо. Здесь теперь все наше.

– Ну с турками-то честно воевал. И помощников толковых вырастил. Чем Суворов Александр Васильевич плох?

Ну не удержался. Даже вопреки мнению отца отправил его

командовать, как подрос. Тем более молодой Суворов сам хотел из интендантов в герои. Будущий генералиссимус пока себя особо не проявил, хотя, доброжелательно подталкиваемый в спину, рос в чинах потихоньку. Пока для него подходящей войны не случилось. Последняя давно была. Разве на Кавказе сражения? Так, наведение порядка и карательные экспедиции против горцев. Ничего, пускай опыта набирается. А заодно Кутузов.

Больше все равно имен выдающихся полководцев не помню. Багратионы с Волконскими намного позже воевали. Сейчас сущие дети, если родились. А проверить никак. У иных, вроде Муравьевых, эскадрон родственников. Кто из них в генералы вышел и на Сенатскую площадь в числе декабристов ходил – неизвестно. Михаил Илларионович оказался не столько военным, сколько администратором, и не прочь подольститься к начальству. Бойкий парнишка. Далеко пойдет.

А иностранцев недолюбливаю и, пока был в силе, затирал. Ничего не поделаешь. Сколько их ни корми, за границу смотрят. Сын графа Петра Петровича Ласси, на нашей службе генерал-майор, уехал в Австрию служить. Видимо, там к нему отнесутся лучше. Слава богу, уже своих полководцев воспитываем и в чужих не нуждаемся.

– Да всем хорош. Только сдается мне, ты нарочно в сторону уходишь. Все достижения, вместе взятые, не могут стереть из памяти даже один провал. А России предстоит в чужую игру войти. Не хочется видеть бессмысленно пролитую

русскую кровь!

— Чего ты от меня хочешь? — устало спросил я. — Мы живем в империи, и мы ее подданные. Император высшая власть, не в Англии, чай.

— Ага! — торжествующе воскликнул Давыдов. — Думал! Так про Карла I вспомни!

Будь это кто другой, я уже звал бы слуг вязать провокатора и подлеца. Только слишком долго знаю старого вояку. Он несколько не притворяется, да и не умеет. Не зря с таким трудом карьеру делал при впечатляющем опыте. Так и резал правду-матку всем подряд. Лично мне такие люди как раз по душе. От них хоть знаешь чего ждать, и они не улыбаются, ненавидя в душе и выжидая момент, пока споткнешься. Поэтому и тащил всегда за собой, поручая военные дела.

Вот только он же не удержится и дальше примется болтать. Рано или поздно найдутся добрые люди — заложат. За меньшую вину на плаху, случилось, ходили, а здесь попытка свержения монарха. Причем не липовая. Хорошо, что за дверью мои люди стоят. Проверенные. Никто не подслушивает.

— Поднять войска, — сказал я, и Афанасий довольно улыбнулся, — не проблема. Или, скажем так, не самая большая. Арестовать царскую особу? Ну допустим. А дальше что? Не станет он отречение подписывать, пытаться примешься или сразу... — Я провел ребром ладони по горлу.

— Пытать — нет. А убить запросто, — не меняясь в лице,

сказал он. – Причем сразу, не рассусоливая. Народу объяснить не проблема. Бывает, молодые люди внезапно помирают от апоплексического удара.

И главное, произнес длинное мудреное слово не запинаясь, явно хорошо обдумал.

Господи, ну почему нельзя Елену Датскую на престол посадить! И даже не ее – сына. Как бы все сложилось красиво! Кристиан VII психически ненормален, жена за него правит. Точнее, слушает подсказки Васьки Долгорукого, посла российского. Так замечательно дружат, что про наследника говорили – не от отца, а посланник России постарался. Вранье. Василий Михайлович к тому отношения не имеет. То Иван Леонтьевич Блок, лейб-хирург, помог лишенной ласки Елене Прекрасной в промежутках между просветительской и врачебной деятельностью.

Иные из полковых врачей умудряются высоко взлететь. Своевременно попался на глаза и под хорошую характеристику от директора Медицинской коллегии барона Черкасова, сменившего Кондоиди (уходят мои соратники в мир иной, знать бы, чем для меня закончится здешнее существование), поехал сопровождать невесту. Вот и насопутствовал. Дело, конечно, житейское, и наследственность дурная не передастся.

Ведь какая изумительная комбинация родится, если посадить сына Елены на российский престол: он наследник и датского трона. Уже вторая уния. А то и прямое объединение.

Балтика целиком наша – русская. Даже сегодня союз плотен и оформлен договором о взаимопомощи. Если атакованной стороной оказывалась Россия, то Дания должна была в этом случае отправить ей в помощь двенадцать тысяч человек пехоты и эскадру из пятнадцати кораблей. Если же нападению подвергалась Дания, то Россия выставляла корпус в двадцать тысяч человек и эскадру из десяти линейных кораблей. А в новой ситуации...

Все портит закон о престолонаследии. Анна Карловна не завещание очередное оставила. Именно закон. Императорскую фамилию составляют император или императрица, их супруга или супруг, вдовствующая императрица (мать) и великие князья: сыновья и дочери здравствующего или умершего императора. При этом внуки, правнуки и дети брата и сестры рангом ниже и считаются обычными князьями, пусть и связанными родственными узами с правящей фамилией. Видимо, не хотелось ей включать в дворцовые захребетники чересчур много народу, и лишних отсекала заранее. Им положен при рождении денежный порядок. Солидный, и не больше. Даже земли разбазаривать запрещено.

Сама все написала, ни с кем не советуясь. Историю она хорошо выучила и про то, как выполняли прежние завещания, не забыла. Потому все изложено просто, четко и без любых двусмысленностей. Трон переходит по прямой линии. От старшего к младшему. Дальше у бездетных к брату или сестре либо к прямому потомку при их отсутствии. И пле-

вать на пол родственника. Это должно было гарантировать стабильность власти и ее преемственность, безопасность самой императорской фамилии, сохранение за всеми ее членами соответствующего и определенного законом статуса.

Еще брак должен быть равным, что вычеркивает русских барышень и прекрасных юношей автоматически. Одновременно оговорен запрет на супруга императрицы с равными правами. Правит династия, а не человек со стороны, но, что любопытно, супруга императора таких ограничений не имеет. Неужели специально прописано, или ошиблась?

Когда-нибудь Наталья Дмитриевна станет царицей при очередном муже-консорте. И что, она не вспомнит отцовских убийц? Здесь выход лишь один – уничтожить всю семью. А жена с ребенком в чем виновны, если император не вышел приличным? Да и не отмыться потом. Это не про апоплексический удар сообщать. Кто же поверит в такую чушь, как массовая смерть по естественным причинам. Тем более в первый раз тяжело. А во второй раз свергать и убивать много проще. И не про революции речь. Внутридворцовые игры. Мина под саму государственность. Не для того я ее строил, чтобы смуту создавать своими руками. Пусть я уйду, но держава с законом сохранится.

– Давай так, – сказал я, поняв, что пауза затянулась. – Ты подождешь пять дней. Я все обдумаю и решу.

– Идет!

– Или да, или нет.

– Угу, – наливая снова нам обоим, подтвердил он.

– И ты будешь делать то, что я скажу!

– Нет другого выхода, ты сам знаешь, – уверенно припечатал Давыдов и, чокаясь, провозгласил: – За Россию!

– А пока, – выпив и поставив стаканчик, сказал я, – поживешь у меня. Все равно твои на Кавказе, дом пустой. Тебе же велено дожидаться аудиенции у государя?

Он утвердительно кивнул.

– Вот и ладно.

Главное, до срока никому не скажет о нашем разговоре. Для того здесь его и оставляю. Проще контролировать, и не пойдет к другим со столь занимательными предложениями. Не нужен мне шум и расследование в ближайшие дни абсолютно. Прекрасный и храбрый человек, хороший вояка, приличный администратор – многие годы на Кавказе и в Закавказье занимался размежеванием территорий, что всегда вызывает массу спорных вопросов. Племенная раздробленность, неопределенность в отношениях с неконтролируемыми горцами и нестабильность в Персии и Турции вынуждают постоянно крутиться, не имея возможности запрашивать Петербург. Всем замечателен, но не способен охватить положение дел на дальнюю перспективу.

За дверью зашумели, нагло мешая спокойным раздумьям. Потом хлопнула дверь, и ворвался младшенький. Смотрю я на своих сыновей и впадаю в изумление. Нет, не от того, что так и не привык к собственной внешности. Давно сросся с

телом и не замечаю ничего странного в зеркале. Просто не успел оглянуться, а Юрке уже двадцать два, и он взрослый по понятиям окружающего мира. В сорок – сорок пять многие заканчивают карьеру и общественную жизнь, удаляясь в имение. Еще не старость, но хочется отдохнуть в семейном кругу. Да и здоровье, особенно у повоевавших, не всегда в порядке.

– Михаил Васильевич... – сказал извиняющимся тоном из-за спины красавца в мундире поручика-конногвардейца Зосима.

Я лишь отмахнулся. Уж как есть, пусть сам извиняется перед ожидающими. Достаточно долго я бывал в семье урывками, мало общаясь с сыновьями. Они и рождались обычно после моих наездов в столицу. К счастью, исправно и без трудностей, но вроде как случайно. Я лично ничего такого не планировал, и Стеша десяток отпрысков дарить не собиралась. Как свыше распорядились, так и вышло.

Дети росли без меня, и встречались мы в Петербурге пару раз в год, а летом, в промежутках между их учебой, в Киеве или где я в очередной раз болтался. В принципе ничего ужасного. Все так живут. Иные воюют по много лет подряд или еще с какими поручениями болтаются по границам, а дети с женой в поместье или в своем городском доме.

Нынешнее поколение дворян выросло иначе, в посещениях школ с гимназиями и чтении патриотической литературы. Они и думают не так, о чем неоднократно жаловались

родители. Сам приложил руку и должен быть доволен, да не знаю, куда все это приведет. Хочется надеяться, не к очередным декабристам, призывающим к просвещению и не пожелавшим отпустить на волю собственных крепостных.

Ну это ладно. При всем оптимизме вернее всего не доживу. Но даже собственные дети и сегодня вгоняют меня в ступор. Иван пошел в Шляхетский корпус, закончил не из последних и с удовольствием отбыл в армию. Поскольку война и то малая у нас на Кавказе, попросился на линию. Не захотел стервец начинать с придворной должности камер-юнкера. При канцелярии императрицы можно было завести полезные знакомства. И тут мне было продемонстрировано ослиное упрямство. Он мечтал не у трона оттираться, а совершать подвиги. А то надоело ему, понимаете ли, выслушивать про великого отца. Захотелось своих деяний.

Отпустил. Хуже нет воспитывать задним числом. Решил, пусть самостоятельно шишки набивает. Даже просить не стал о протекции у того же Давыдова. Он и узнал о появлении нового офицера не сразу. Ничего. Сумел Иван Михайлович продвинуться. Не потому, что мой сын, хотя, естественно, все в курсе. Иногда это не помогает, а, напротив, мешает. Многие, особенно в гарнизонах, не особо любят сынков вельмож. Как-то он смог пройти по золотой середине между высокомерием и панибратством и доказать на деле – не для записи в формуляре прибыл. И счастья ему. Имеет характер и готов терпеть трудности – молодец.

Когда второй, Сашка, проявил не меньшее упрямство, я всерьез заподозрил – семейное. Кажется, за мной такое не числится, но гены, видимо, лучше знают. Михайло подсуропил. Только этот отнюдь не в армию рвался. В прямо противоположном направлении. Горный институт ему понадобился. По инженерной части возмечтал. И в девиз к моему дворянскому гербу *Non solum armis* – «Не только оружием» опять же тыкать принялся. Многие откровенно в спину ухмылялись. Не по-аристократически начинать с этой ступеньки. Опять же от царского дворца далече трудиться придется.

Я-то спокойнее отнесся. Промышленность, ее развитие – это моя вечная боль и мучения. Петр Алексеевич создавал заводы, не считаясь со стоимостью и затратами. Ему требовались пушки, ружья и железо прямо сейчас. В результате себестоимость продукции государственных предприятий на много превышала цену у частных. Причем буквально рядом работали на одних технологиях и с приписными трудягами. Пока война – никого особо расходы не трогают. Только уже при Анне Иоанновне вопрос подняли и без моих выкладок по экономике.

Из Саксонии выписали некоего Курта Александра Шемберга, где тот занимал пост главного распорядителя ведомства горного дела. В России он возглавил Генерал-берг-директорию. Ведомство под его началом приступило к пересмотру горного и промышленного законодательства. И пришло к выводу, очень знакомому мне по прежней жизни: луч-

ше всего передать казенные заводы в руки частных предпринимателей. И естественно, Генерал-берг-директория в лице Шемберга настаивала на том, чтобы передачей предприятий занимался он лично, распределяя их по своему усмотрению.

Ну и всякое-разное по мелочи: предлагал назначить фиксированные цены вместо продажи по аукционным. Передача в вечную собственность, гарантии неприкосновенности имущества для владельца и право свободно распоряжаться своей собственностью. Очень прогрессивно, если бы по проекту не распределял самолично. Нормальная такая приватизация на пользу конкретным лицам. Потому что чиновники Генерал-берг-директории могли вступать в рудопромышленные компании и становиться владельцами заводов. Все настолько прозрачно, что и следователь без надобности.

В качестве поручителя благонадежности шустрого господина из Саксонии выступил Курляндский герцог. Естественно, быстренько пришли к компромиссу, закрыв глаза на кучу несуразностей. В двухнедельный срок возникает доклад комиссии, и высочайшая резолюция к нему «Об отдаче казенных заводов в содержание частным людям». Шемберг получил Горноблагородные (у горы Благородной) и иные заводы, сальний и китобойный промыслы. Был расторгнут выгодный для казны контракт с компанией Шифнера и Вульфа, и сбытом казенного железа за границей стал заниматься сам генерал-берг-директор. Еще и субсидии от государства поступили, как начинающему заводчику.

Торжество его оказалось недолгим. После прихода к власти Анны Карловны появилась разоблачительная статья по поводу всей той сомнительной истории. Да-да, я лично писал. А затем был пересмотр результатов приватизации. Вечное владение в России только на бумагах и сохраняется. Практически сразу создали ревизионную комиссию, и достаточно скоро появился приказ «Шемберга взять под караул и спрашивать, не утаил ли он где своих имений, или кому не роздал ли под образом займа, или каких сделок и в долги и в купечество, и кому именно, и когда, и сколько...»

Бирон в камере был предельно откровенен и даже поведал мне, насколько мало он имел со всей этой истории в качестве пайщика полученных Шембергом предприятий. Фактически просто не успел набить карманы. В конечном счете, отсидев добрых пять лет под следствием и в тюрьме, бывший генерал-берг-директор был освобожден и отпущен за границу лишь после того, как выплатил незаконно присвоенные двести тысяч рублей.

Карл Фохт, Иоганн Леман, штейгеры, то есть горные мастера, Иоганн Буртгарт, Кристиан Пушман, Иоганн Шаде и другие из нанятых им саксонских специалистов оказались честными профессионалами и продолжали работать. Может, и сам Шемберг не так уж был плох, просто попал в определенную ситуацию и не удержался. Деньги любят прилипнуть к рукам.

Вице-президентом, а затем и президентом восстановлен-

ной Берг-коллегии остался другой немец – Винцент Райзер. Заводы вновь перешли в руки государства, да вот работать они лучше от того не стали. И получающие разрешение на открытие новых предприятий частники дружно ныли, требуя приписать людей. Указ о свободном найме вольных их не устраивал.

Свой человек в Берг-коллегии мне нужен был позарез. Правильных знакомств я не имел и доверять всей этой братии мог постольку-поскольку. Василий Никитич Татищев, вновь ставший при новой власти генерал-бергмейстером очень себе на уме, пусть и работает достаточно честно. Так что я благословил Сашку на его мечты и пустил собственной дорогой.

Похоже, не прогадал. Уже после выпуска поехал сын на Урал, на строящийся новый завод на реке Иж, вблизи все той же Благодатной горы. Первоначально там собирались изготавливать железо и сталь. Приехавший новый начальник наладил выпуск холодного и огнестрельного оружия из изготовленной на месте стали. И что особенно приятно, не стал изображать самого умного, а через мое посредничество привлек для создания оружейного завода немецких, шведских и датских специалистов.

Совместными усилиями, но, что радует, под его личным руководством и, хочется надеяться, в результате моих лекций, изобрели специфическую машину для изготовления ружей. Обычно изготовленные вручную детали одного ружья

не соответствовали по размерам деталям другого, да и никто не стремился к такой точности. Теперь для каждой детали изготовили лекало, игравшее ту же роль, что и выкройка для платья. Рабочий по шаблону вырезал из металла части. Металлическая пластина крепилась на верстаке, модель накладывалась на пластину сверху, и режущий инструмент двигался по очертаниям лекала. Обычно в таких целях употреблялся резец, но тот требовал от рабочего специальных навыков. Сейчас использовали железное колесо с зубцами по краям, напоминавшее шестерню.

Грань каждого зубца была слегка изогнута, заточена и закалена. При вращении колеса они поочередно вступали в работу. Каждый действовал как резец. Все зубцы вгрызались в металл с одинаковой силой, поэтому колесо обладало свойством ровно разрезать металл. Для этой операции от рабочих не требовалось высокого мастерства или особых навыков, то есть была применена техника массового производства. Все тот же мой вечный конвейер, опробованный еще на производстве обычных иголок.

Деталей различных много, и почти пять лет шли практические исправления, пока родился первый фрезерный станок, действительно заслуживающий этого названия. Он имел многолезвийный режущий диск и подвижный стол, приводившийся в движение при помощи червячной передачи. Заказ на пятнадцать тысяч ружей был выполнен в два года, а качество после проверки оказалось такое, что Сашка орден

отхватил и карт-бланш на любые механизмы. Тут и протекция не понадобилась – о человеке судят по его делам.

– Какое право имеет эта узкоглазая рожа меня к вам не пускать?! – возмутился Юрка.

Зосима из калмыков, и лицо натурально не русское. Подарил мне когда-то хан неизвестно зачем мальчишку. Реально не зная, куда приспособить, я отправил его учиться и в один прекрасный день обнаружил под дверью двадцатилетнего выпускника университета. Господин Шалимов освоил в кратчайшие сроки все науки, с его точки зрения полезные, и прибыл для дальнейшего прохождения службы. Я слегка обалдел. Из смутно помнящегося полугололого ребенка-степняка превратился в эдакого интеллигента конца двадцатого века. Не по внешнему виду, на казенный кошт не зажируешь, по взгляду и мироощущению.

Принял его на работу в личную канцелярию согласно просьбе, несколько недоумевая, зачем это ему. Со временем понял. Интель, он и есть интель. В нашем мире действуют законы джунглей: есть хищники, которые охотятся и убивают, и есть множество тех, кто выживает за счет охоты других (гиены, стервятники). Это не в обиду, просто не хватает сил или честолюбия. Они не подличают, не заискивают, всячески стремятся не утрачивать достоинства, не считая нужным работать локтями. Их вполне устраивает роль исполнителя, и к власти не рвутся.

И притом нельзя сказать – всепрощенец. Доводить не

рекомендуется. Может и взорваться. Я абсолютно не верю в религии добра с миром вообще и буддизм в частности. Помнится, в моем прежнем мире у японцев и тайваньцев враждебные партии прямо в парламенте дрались. Не каждый день, но случалось. А уж самураи чего стоили! Проверить остроту меча на прохожем – не задумываясь. Вкусить мяса животного? Ужасно и отвратительно. Замечательно совмещается.

Человеку душевного утешения мало. Ему подавай удобство и комфорт. Потому и религия не превращает его в идеальное существо. По крайней мере массово. И не важна вера для начальства. Сумеешь умника правильно оценить и держать при себе – много пользы получишь. Долгие годы Зосима находился рядом и стал моим личным секретарем. Между прочим, две тысячи рублей годового жалованья на всем готовом не каждый имеет. Как и чин статского советника с дворянством.

– Еще раз поносные слова в адрес Шалимова услышу, не поленюсь встать и морду разбить, – спокойно объяснил я. – Не тебе, мальчишка, его ругать. Нос не дорос. От тебя, в отличие от Зосимы, сплошные неприятности.

– Ну, – Юрка показательно осмотрелся, заглянув под стол, – мы вроде одни, и я смело могу воскликнуть: неправда ваша, Михаил Васильевич!

Тут крыть нечем. Время поджимало, и некогда было изобретать хитрые планы. А сидеть на гауптвахте ему не впервой.

Подумаешь, попросил устроить скандал с кулаками, вплоть до шпаг, но без смертоубийства. Так, чтобы конкретный господин пару дней полежал. Плечо проткнуть или челюсть сломать. Ничего особенного. Мой сын по собственной инициативе неоднократно творил нечто подобное вместе с друзьями. Здоровый лось, целиком в меня, и учителя фехтования были из самых лучших. Его задевать давно боятся.

– Зачем я должен был так себя вести? – с искренним недоумением спросил Юрка, уяснив, что намек останется без ответа. – Мне просто любопытно.

– Честный ответ в обмен?

– В каком смысле?

– В прямом. Я объясню, но и ты без обиняков выскажешься.

– А давайте! – откидываясь на спинку кресла, согласился он.

– Чего ты хочешь действительно?

– Не понял, – озадачился он. – Чего все.

Видимо, я действительно плохо сформулировал.

– Меня не волнуют все, – объяснил я терпеливо. – Я и так в курсе. Денег, девок, должностей и славы. Я говорю о тебе. Вот Иван в полководцы метит – мечта у него такая. А Александр создает. Он от своих заводов удовольствие получает. Сделает нечто новое и полезное, и вся предшествующая нервотрепка как бы значения не имеет. И не ради наград старается. А вот тебе чего надо?

– Мне нужно, – после паузы ответил он, – чтобы никто не ставил в пример великого отца. Не так учишься, не такое поведение, не те мысли. – Он постепенно повышал голос. – Никогда нам не догнать. Нет, наверное, такой отрасли или направления, куда Михаил Васильевич не приложил руку. Наука, поэзия, проза, медицина, промышленность, торговля, война, присоединение земель. Куда ни сунешься, везде Великий. В гости приедешь – самовар на столе. У врача шприц, а военные в созданной им форме ходят и по его уставам живут! И где в России такое место, куда он не залез?!

– На флоте, – без промедления ответил я. – Никогда их дел не касался.

Строго говоря, не совсем так. Ежедневное мытье палуб с уксусом, ежевечернее проветривание помещений, процеживание питьевой воды, добавление можжевельного раствора в воду, ежедневный осмотр и сортировка продуктов в камбузе не от патриарха родились. А вот оборудование нижних палуб вентилятором – чистое заимствование у англичанина Стивена Гейлса. Для загона воздуха в душные трюмы использовались воздушные насосы, а трубы, выводящие воздух из трюма, сделали вентиляцию проточной. Небоевые потери снижались заметно, согласно науке статистике, и качество экипажа повысилось.

– Ага! А послужной список офицеров и экспедиция к Дарданеллам, чья идея? Азовскую флотилию с Черноморской эскадрой чьи люди строили?

Ну если быть правдивым до конца, то в Адмиралтействе меня недолюбливают, правда, уважают. И именно за внесенный существенный вклад. Ходить по морю не пытался, да. Опыт от Михайлы чисто теоретический. Так ни разу и не ступил ногой на палубу военного корабля. Тем не менее и здесь отметился. Не все о том в курсе – это другое дело. Томаса Чепмена из Гетеборга отправил на обучение во Францию и Голландию. В Англии он и без меня успел потрудиться на верфи.

Не один такой был мастер, мой свояк Густав и сейчас руководит целой агентурной сетью и получает информацию немалой важности, включая чертежи новейших кораблей. За многие годы завербовали для работы в России больше сотни корабельных мастеров в Англии и Ирландии. И даже четырех главных конструкторов.

Гораздо полезнее оказалось, когда Томас обратил мое внимание на работы Пьера Буге. Три из них получили премии французской Академии наук – «О корабельных мачтах», «О лучшем методе наблюдения высоты звезд над уровнем моря», «О лучшем методе слежения за колебаниями компаса в море». Были еще «Новая конструкция лага» и большой труд «Новое сочинение по навигации, содержащее теорию и практику штурманского искусства».

В 1746 году Буге издал «Трактат о корабле, о его конструкции и о его движении». Эйлер тоже нечто подобное пытался довести до ума в *Scientia Navalis*, или «Корабельная

наука», но нормальным людям формулы на латыни мало говорят. А здесь легко и просто, даже до меня дошло.

Расчеты Буге позволили строить корабли с примерно схожими характеристиками. До того для постройки служили не чертежи, а уменьшенная в несколько раз копия строящегося корабля. Ее проверяли в специальных бассейнах, и она служила основой для постройки собственно самого корабля. Как ни старайся, а абсолютно идентичного дерева не достать. В результате корабли могли сильно отличаться по ходовым характеристикам, остойчивости, форме корпуса и так далее. Корабль переделывали, меняли мачты или такелаж, размещение орудий, и появлялись суда совершенно непонятно ведущие себя при нормальном ветре, плохо слушающиеся руля и с меньшим количеством артиллерии на борту.

Книга Буге помогла решить эту проблему и строить корабли хотя бы с примерно одинаковыми характеристиками. Фактически качественный скачок: сначала проектировать, затем возводить. К сожалению, в шестидесятых пришлось использовать старые суда. Вся военная кампания прошла на прежних, что неминуемо осложнило походы и сражения.

Зато теперь корабли строим быстрее всех в мире. Так, в Англии на строительство трехпалубного корабля уходило в среднем три-четыре года, в России – год! И ничем не хуже по качеству. И все это за счет серийного строительства кораблей с использованием абсолютно идентичных заготовок. Все параметры кораблей стандартизированы, отклонения не

допускаются.

Чепмен, используя французские и английские методы, принялся выпекать корабли как пирожки. Сегодня он главный корабельный мастер Российской империи, и совершенно заслуженно.

– Задал задачу, – признал я. М-да... Это он своими гулянками комплекс неполноценности убивает. И оба старших тоже о том думали? Неприятно. Никогда в этом плане не задумывался о детях. – Ступай.

– А как насчет ответа? – требует Юрка.

– Какого еще... а! – Успел забыть, с чего начался разговор. – Мне надо было встретиться с глазу на глаз с Рихтером. И чтобы не спрашивали о причине сильно любопытные. Мне сейчас не хочется привлекать пристальное внимание.

Юрка понял. Мой старый знакомый и честный служака не первый год занимает должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. По совместительству генерал-аншеф, действительный камергер и сенатор. Кто со мной дружил, пользу поимел немалую. Вряд ли, приехав из родной Лифляндии, он мог надеяться столь высоко взлететь. А моя удача в том и состоит, собирать вокруг себя людей. У кого идеи, кто просто честен, но, толкая наверх, приходится брать ответственность за решения, а не сидеть ковыряя в носу.

– А зачем – я не обещал объяснить. Ступай.

Сказал в очередной раз полуправду. С Рихтером уж нашел бы возможность пересечься. А вот убраться на время сильно

настырного пристава Игнатьева требовалось. Если все утрясется, надо присмотреться к человеку. Внимательным и исполнительным применение обязательно найдется.

Глава 6. Теология государственного типа

Дети мои дети, стоя у окна и бездумно разглядывая скульптуры нимф в парке, думал я. Не настолько впал в маразм, чтобы не помнить про вечную проблему. Выросшие в достатке и благополучии нередко проводят жизнь в праздности и безделье. Стеше проще – для нее дом, семья, покой важнее всего. А у меня вечно государственные проблемы.

Преемственность? Я же не монарх и в стабильности власти не нуждаюсь. Не пытался постоянно делать замечания или навязывать правильный путь. Не из дальних побуждений, просто пустив на самотек. Не так много в нашей стране дорог для здоровых отпрысков дворянина мужского пола. Армия, и еще раз армия. Это образ жизни, традиция.

Ивану хватит и без поддержки лет на двадцать занятий на Кавказе. Куча ханств, народов и племен. Между собой дерутся, с соседями и пришедших на огонек русских не забывают. Сегодня горит Кабарда, завтра Черкессия, послезавтра полыхнуло у мингрелов или талышев. Османы с персами с удовольствием помогают оружием, проповедниками и советами. Я бы на их месте тоже не успокоился. Чего ради отдавать когда-то их территории.

И в результате четвертое десятилетие, начиная с тридцатых годов, строятся все новые кавказские линии, на манер

устраиваемых мной на Кубани и Тамани. Отсекают куски территории, окружая и сдавливая, уничтожая самыми жесткими мерами, вплоть до голода сопротивляющихся и загоняя в горы остатки. Рано или поздно Россия и ее армия сломит чужую волю. А кто готов умереть, но не подчиниться, над тем будут вороны орать, раздирая мертвое тело.

Отвечать набегами на набеги бессмысленно и расточительно. Дешевле и показательнее нанести массированный удар по базе налетчиков. И не волнует, из романтических устремлений крадут скот доблестные соседи или по кровожадности натуры. Если выучить сидеть смирно нельзя, значит, приходится уничтожать в прямом смысле. А потом можно искренне посочувствовать их тяжелой жизни на скудных землях, не дающих прокорм. Лично у меня достаточно возможностей расселить по Сибири всех мечтающих о богатстве. А жить за чужой счет, угоняя рабов и стада, не стоит. За это следует расплата.

Добрая половина армии уже который год сидит на Кавказе и штыком со снарядам вбивает в головы горцев понятие о законе и праве. Кровная месть нормальна? Тогда нечего обижаться. Боюсь, переваривать этот кусок придется доброе столетие. А пока абсолютно убыточное предприятие, куда регулярно проваливаются ресурсы, деньги и тысячи жизней. Я не хотел начинать бесконечную Кавказскую войну. Северная часть до предгорий и прибрежные районы Черного и Каспийских морей – достаточно. Максимум номинальная гра-

ница по Главному хребту.

К сожалению, мы предполагаем, а Бог решает. Сначала, после убийства Надир-шаха, утрата власти Персией над азербайджанскими ханствами и опасение, что туда войдет Турция. Затем война и вторжение с ответным наступлением. Давыдов ордена получал за дело, но последствия были довольно неприятные. Никто же не заставлял грузинского Ираклия просить о помощи и тем более за русскими спинами вести тайные переговоры со Стамбулом. Теперь он проживает в Тамбове в очень неплохих условиях, а армии приходится еще и его земли прикрывать от нападений. При моей жизни, уж без сомнений, ничего кардинально в тех местах не изменится.

Поступок Сашки при виде примера старшего брата и его подвигов достаточно удивителен. Александр Михайлович показал немалый характер, наплевав на общество, его мнение и последствия. Хотел ли таким образом выделиться? Сомнительно. Скорее ему действительно интереснее возиться с железками и искать свое.

И то, что двое из трех сыновей старательно уклонялись от придворных обязанностей и норовили свернуть в интересную им сторону, неплохой результат. Юрка слаб? Не думаю. Ничуть не хуже остальных. И стержень имеет. Так просто не сломить. И речь не идет о заносчивом поведении и дуэлях. Когда действительно требуется, способен обойтись без мягкой постели и толпы слуг. Значит, нужно найти ему занятие,

а не держать в придворном полку. А ведь есть подходящая идея... Надо все хорошо обмозговать и предложить...

Я вздохнул и, отойдя от окна, вернулся под портрет Анны Карловны. Торжественный, при всех регалиях, такие висели в каждом учреждении. У начальников обязательно, но иногда и в других кабинетах. Тоже способ заработать для Академии наук. Они печатались исключительно в ее типографии и пусть стоили недорого, однако десятки тысяч штук по стране. По копейке и рубль набежит. А вот у меня в домашнем кабинете висит неофициальный. Собственной рукой созданный и без всякого чинопочитания. Уже не девочка, еще не женщина, сразу после коронации. Сидит на троне развалясь, в новомодном платье и с ироничной улыбочкой. Ей не особо нравился, а мне наоборот. Повесил у себя и не стал дарить, как первоначально задумывалось.

Есть еще две моих работы Анны в Зимнем, находились раньше в ее личных апартаментах друг против друга. Они написаны с разницей всего в несколько лет, но перемены огромны. На первом веселая девушка, полная и круглощекая, с простодушным, милым лицом и лукавым взглядом. На втором сдержанная, величавая – настоящая дама. Смотрит прямо, ее пристальный взгляд сосредоточен на наблюдателе, при этом ощущается дистанция – она стоит много выше и сознает это. За спиной не особо приятный опыт общения со множеством людей, ищущих милостей и норовящих набить карманы казенными деньгами. Вместо ярких и сочных кра-

сок девичьего образа холодные и спокойные дают дополнительный эффект.

Дернул дважды за шнурок. Очень полезная вещь для связи с Зосимой. Можно было бы давно соорудить звонок на манер дверного, он примитивен, даже специалист моего уровня слепит такой в кратчайшие сроки, но до генераторов мы еще не дожили. Держать специальный аккумулятор под столом, так проще дернуть колокольчик. Один звяк – сигнал секретарю зайти. Два – запускать следующего. Целый список разработали, чтобы вносить ясность не словами. Не всегда полезно, чтобы посетитель сообразил про задержку или что его намеренно не впускают.

– Здрав буде, боярин, – прогудел басом человек-гора, и не иначе с сарказмом. Когда требовалось, нормально умел обращаться, и даже на нескольких языках.

Здоровый до безобразия в своем возрасте. В молодости наверняка вырывал дубы с корнем, раз сейчас быка кулаком валит. Зарос бородой по самые брови и в простом армяке. Материя, правда, не из дешевых. А так в лучшем случае на захудалого шляхтича тянет. Барон, ага. Это я всего пару лет назад организовал при полном его равнодушии. Титул ему не требовался, зато мне для показательного примера очень даже.

– Присаживайся, дворянин, – с ответной иронией сказал я, указывая на стул. – Принес?

– Как договаривались.

Семен Вахтин, мягко говоря, своеобразная личность. Фанатик с жилкой матерого бизнесмена. За почти семидесятилетнюю жизнь четырежды снимался с места и удирал от пристального внимания властей. И каждый раз не только сам недурно обустраивался, еще и куча народу на него опиралось. И помотался от моих северных краев до самого Константинополя, успев послужить в слободских казаках, взглянуть на Запорожскую Сечь (не понравилось) и стать шляхтичем в Белоруссии со своим не шибко большим куском земли.

И все потому, что в России рано или поздно принимались доставать православная церковь. Раскольник, причем упертый. Готов на дыбу и костер за двоеперстие. Но не псих, мечтающий о самосожжении. Вот это нет. Предпочитает жить-поживать да добра наживать. А придут с претензиями, сам кого хочешь головой в огонь сунет и сапогом сзади поддаст, чтобы живее летел.

Большинство сведений о нем все больше косвенные и по чужим обмолвкам. Сам на манер Геннадия про своихождения не распространяется. Но кое-что мне известно уже из более поздних времен. Пришел специально посмотреть на меня после Кенигсберга. Как я достаточно быстро сообразил, не по собственной инициативе, а послан был поповцами из наиболее авторитетных. Раскольники есть самых разных толков, а на территории, принадлежащей ранее Польше, их до ста тысяч на момент занятия русскими войсками присутствовало.

Указы и обещания – это одно. А посмотреть вблизи и предъявить желательные условия – совсем другое. Прошение было любопытное. Содействие в рассмотрении Синодом «соединения», то есть даровании старообрядцам священников с дозволением отправлять всю службу по старопечатным книгам.

Согласие требовалось на основании определенных пунктов: разрешить «двоеперстно сложение», службы церковные совершать по старым, дониконовским, книгам, а также все обряды, чины, уставы и обычаи иметь старообрядческие. Просили не возбранять старообрядцам приобщиться Святых Тайн в греко-российской церкви по их желанию, так и сынам этой церкви приобщаться от единоверческого священника.

Беседа о том у меня была, и не одна. С патриархом, Анной, парочкой священников. Вскоре стало прозрачно ясно: отдельного епископа в отличие от попов не дадут ни при каких обстоятельствах. Церковь мечтает поставить раскольников в зависимость. Отучать смотреть на них как на людей невежественных, непросвещенных, чужих, а на все их книги и обряды как на ошибочные и еретические не собираются. Данный вариант рассматривается как на учреждение для церкви бесполезное и даже вредное.

Но я в отличие от постриженных человек государственный и руководствуюсь соображениями целесообразности и пользы для державы. Отталкивать сто тысяч налогоплатель-

щиков исключительно из-за упертости и вбитых в головы старых догм крупнейшая ошибка. Так и до очередного мятежа Булавина недолго. Тем более на поверхности лежит отвлечение: к раскольникам православному можно зайти исключительно по смертной нужде. И это называется послаблением. Кстати, Семен по возрасту мог в том мятеже участвовать. Я бы не удивился.

Короче, предложил собственный вариант. Не сказать чтобы раньше с уважением не смотрели, однако приятно, когда тебя принимают всерьез, а не ухмыляются, типа видали и раньше всякие глупости. Вахтин удалился и отсутствовал почти два года. Потом явился, да не один, а в сопровождении целой толпы. Естественно, не сразу к парадному крыльцу, предварительно меня предупредили и определенные мероприятия провели с обеих сторон. Прежде чем подписать громкие документы, их всегда обсуждают за кулисами. Да и консультация с императрицей совсем не лишнее. Есть вещи, которые на себя брать не по чину.

Староверы вытащили из турецкой Сербии митрополита, лишённого греками-фанариотами кафедры, и тот по чистой совести за благо изволил поступить в староверческую религию в сущем звании митрополита. Раз не хотите официально через Москву, нате шах. Конечно, проще всего взять всю компанию под стражу и отправить до выяснения в Петербург, но это же нарушение Указа о веротерпимости!

Ко всему представители старообрядцев обязались в про-

шении: «содержать его высокопреосвященство господина митрополита Арсения на всем монастырском иждивении во всяком спокойствии и удовлетворении во всю его жизнь». Таким образом, выполнялось требование властей в моем лице о том, чтобы на правительство не возлагалась обязанность по материальному содержанию старообрядческого архиерея.

Самое странное, Арсений особых интриг не затевал и непомерным честолюбием не страдал. Человек от природы добрый, он не мог равнодушно смотреть на бедственное положение народа. Частенько становился на сторону простых людей и по возможности старался облегчить их нужды, делая дырку в голове по поводу любых страдающих и не различая православных и раскольников. Даже за католиков заступался, обиженных хозяевами. В дальнейшем пригодились при давлении на польских помещиков.

Пока бумаги ходили, кое-кто поливал желчью листки, благочестивый Арсений неотлагательно принялся окучивать подвластную ему паству, ставя новых священников поповцам, а заодно и прочим сектантам, кто просил. Разъезжал с помпой по вновь образованным приходам под охраной моих казаков. Очень к месту оказалась свора бывших некрасовцев. Кому доверять, как не таким же упертым и притом своим.

Гром с молниями так и не грянул. Поскольку выгонять поздно, чин у него самый настоящий, и отзыв из Стамбула или Москвы в любом варианте проигнорирует, а делать

из него мученика излишне, высочайшим указом велено было считать случившееся полезным. Императрица уже разрешила старообрядцам иметь священников, служащих по старым книгам и обрядам. Партия выиграна – это был мат! Православная старообрядческая церковь, моментально охотно присягнула императрице, и вновь созданная иерархия получила из ее рук и с ее одобрения права главенства во вновь созданной ветви церкви.

Это уже не переходная церковь – от старообрядчества в новообрядчество: она подчинена собственным архиереям. А не надо было упрямыться и ссылаться на прошлое, проклиная соперников. Я сам диктовал и рассылал вопросник по этому поводу всем ведущим церковным деятелям страны. Никто не захотел дать епископа из своих рук. Боялись конкуренции. Ее и получили. Может, больше о душах паствы теперь думать станут, а не о кармане.

Выговор от Анны Карловны получил серьезный. Она прекрасно поняла, зачем и почему все это проделано. Но это я пережил. Потом дважды меня пытались убить. Прямо как Генриха Французского. Только к тому моменту так просто к моей особе не допускали всех подряд, а я по улицам в одиночку не шлялся. Уж что-что, а понятие об охране и спецслужбах вынес из двадцатого века. Дилетантское безусловно, но у других и такого не имелось.

Один исполнитель – монах с острым ножиком. Второй – сектант из беспоповцев. Очень ему не понравилось предпо-

чтение власти к одним раскольникам в ущерб другим. Этот, к счастью, оказался полусумасшедшим одиночкой. Может, и стояли за ним некие настропавившие его личности, да староверы всех фракций так долго и трогательно извинялись, что пришлось спустить дело на тормозах. Удобнее в своих целях чувствующих вину использовать.

Зато в православных кругах заговор вскрылся крупный, и многие отцы церкви закончили свой путь в каменных мешках Соловков и миссионерствуя за Полярным кругом у чукчей с эскимосами. Я даже специально ездил в столицу, всех сдавать лично императрице с жалобами и стонами. Странно было бы упустить такой удачный случай убрать оппозицию, сохранив более уступчивую часть высшего духовенства. И никакой липы, что особенно приятно!

– Так, – сказал я, прочитав со всем вниманием тексты дважды. – Кажется, все правильно.

– А не боишься, Михаил Васильевич? – спросил Вахтин с отчетливым любопытством.

– Если меня не казнят, – ответил я со всей серьезностью, – я при необходимости и тебя, и их всех вместе с детьми живыми в землю закопаю. Хоть до городу Парижу бегайте. Да что вас, хоть самого патриарха всея Руси. Из Сибири достану. Есть кому заняться. Веришь?

– Истинный крест, – подтвердил он. – Верю. Только почему с нас начинать? Есть и другие подходящие кандидатуры.

– Ты за языком-то следи, барон.

– Так не первый день знакомы. Птица ты высокого полета и лишней крови не приемлешь – знаю. Да ведь и совестью мучиться не станешь, коль придешь к выводу, кого порешить. Сделаешь и дальше пойдешь. Бога не боишься, у тебя черт в душе.

– Это как понимать?

– Страшный ты человек, господин Ломоносов, – очень серьезно сказал Вахтин. – Не понимаю частенько, что тебе надобно. Другой зарежет, так по горячке или пьянке. Украдет, так от жадности. Или там кланяется низко, а сам за спиной вельможи ветры пускает. Их побуждения сверху лежат. Присмотришься и увидишь без труда. А ты все просчитываешь, да непонятное. Возьмешь не от алчности, убьешь не от страсти. А для чего?

Вот так живешь-живешь, думаешь, что давно свой, а тебя раскалывают почти мгновенно. И не первый случай. Как ни стараюсь, а я другой. Психология точно отличается от окружающих. Да, на деле все наносное. Такой же зверь, как и окружающие. И казнил, и сам убивал. Моя проблема – не верю в прощение грехов и неких посредников, с тонзурой они или с бородой. Разве что искреннее покаяние поможет, но для того не нужно деньги давать. Подкузьмило всерьез полученное от неверующих родичей воспитание. Соборы ставлю, домашнюю церковь и духовника имею, а сам не верю. И даже после перемещения души не проникся. Гласа с небес или из куста так и не услышал.

– Так, может, я и взаправду о других думаю? О государстве, а не себе.

Он выразительно посмотрел на лежащие на столе документы. Ну да, в прежние времена это называлось «оформление собственности на подставных лиц, уход от налогов, вывод денег за границу» и каралось по всей строгости закона. Даже в нынешнем веке открытие в Марселе карманного банка с французской вывеской дело довольно сомнительное. Как и приобретение через него русских товаров по знакомству и со скидками. Схема древняя, как засохшее дерьмо мамонта. Перегоняю золото на Запад, прокручиваю в банке, на эти деньги покупаю товары по сниженным расценкам у подконтрольных купцов и продаю во Франции. Разница остается на счетах банка. Чистый, нигде в России не зафиксированный доход.

– А это не для себя. Для семьи. А то у меня без того миллионов не хватает. Может, одолжить?

Он сдержанно ухмыльнулся. Один из немногих принесших денежки под сахарную идею. Причем весьма солидную сумму. Сегодня его община владеет тридцатью тысячами десятин на юге, где раньше почти никто не жил и земли раздавали по дешевке или по знакомству после присоединения Крыма и исчезновения угрозы. Еще двадцать тысяч ему на Кубани отписал при массовых раздачах. Может, не миллионщик, но в купцы первой гильдии записался и где-то пятый по количеству изготавливаемой продукции сахарозаводчик

в стране.

Мы не один год крутили дела вместе. Во все три существующих на сегодня коммерческих банка Семен вкладывался с первого намека. С наличными деньгами в России на момент начала царствования Анны Карловны обстояло отвратительно. Их категорически не хватало. Для развития промышленности и дешевого кредита купцам требовался серьезный источник золота. Ростовщики требовали до двадцати процентов и выше. Редко кто мог пойти на такие условия без гарантии огромной прибыли. В принципе святое дело ссужать через такие организации денежку напрямую государству. Именно на подобных комбинациях и вырастают олигархи.

В 1694 году Вильгельм Оранский принял предложение Уильяма Патерсона, который выступил от имени частного синдиката, ссудить короне один миллион двести тысяч фунтов стерлингов в долг под восемь процентов и дополнительно четыре тысячи фунтов в год. При этом бюджет Англии тогда составлял четыре миллиона фунтов стерлингов. Банк получил право выпускать бумаги под гарантии правительства. Таким образом, если облигация обналичивалась, то государство должно было покрыть стоимость из собранных им налогов. Беспроигрышная комбинация.

Или был такой Якоб Фуггер. В 1519 году император Священной Римской империи Максимилиан скончался. На трон императора Священной Римской империи претендовали де-

вятнадцатилетний внук Максимилиана испанский король Карл I Габсбург, французский король Франциск I и английский король Генрих VIII. Как всегда и во все времена, результаты выборов зависели от финансовых возможностей кандидатов.

Генрих смог выкатить всего-то двести двадцать тысяч гульденов на выборы, французский Франциск I предложил больше – триста тысяч гульденов, а Карл (ему одолжил Якоб Фуггер) собрал восемьсот пятьдесят тысяч флоринов и был, естественно, избран имперскими князьями-выборщиками германским императором под именем Карла V.

За своевременную помощь получил Фуггер сущую бездельцу: права на испанские золотые и серебряные рудники. И жила бы семья долго и счастливо, да вот беда, короли не любят отдавать долги. Филипп II, сын Карла, взял и объявил Испанию банкротом. Несколько миллионов, данных в кредит, запылали ярким пламенем. Единственный выход дать еще. Уж не знаю, какими условиями это обставлялось, однако испанский король принял помощь с великой благодарностью, а через некоторое время объявил Испанию вторично неплатежеспособной и отказался платить по векселям. Дом Фуггеров не смог подняться и в 1607 году признал свой крах.

Мораль. Кредитовать монархов очень выгодно и крайне опасно, тем паче есть и другие примеры, начиная с тамплиеров. Потому мои конторы не нацеливались на спасение казны и беззастенчивое обирание народа. Рано или поздно это

плохо закончится. Лучше брать по маленькой у многих, чем один раз сокровище, которое все равно унести не дадут и выдавят назад с кровью.

Требовалось срочно предпринять нечто для обеспечения долгосрочного и краткосрочного кредитов и поддержки предпринимательской деятельности. Изобретать велосипед совсем не нужно. Банки вполне себе существовали во многих странах, и даже в немалом количестве. Только в России их не было. Монетная контора, которая была организована в 1727 году для чеканки монет, получила право осуществлять ломбардные операции под восемь процентов годовых. Однако осуществлять эту кредитную операцию дозволялось лишь лицам, особо приближенным к императорской фамилии.

Если чего-нибудь полезного нет, значит, надо этим воспользоваться и создать. Интересно, но, по моим прежним сведениям, в Британии сначала возникает индустрия и потом обслуживающие ее банки, а в Германии наоборот. Сначала появляются банки, а потом они строят эту промышленность. То есть правильного рецепта не существует, и возможны варианты. В очередной раз недурно помочь родине и себе пополнить кошелек. Банк замечательное место для получения денег из воздуха. Правда, сначала их нужно иметь.

За основу взял свою ссудную кассу, составил Устав и получил разрешение от государыни без промедления. Забавно, но она замечательно усвоила мое же предложение проводить первоначальные испытания не на подданных, а на мышках.

В их роли обычно видела меня. Правда, и вознаграждала за труды и лишения не одними ласковыми словами. Близость к трону и доверие дорого стоят в глазах окружающих.

Если предложение срабатывало, в дальнейшем с уровня личного кармана Ломоносова или Западного края метод распространялся на всю Россию. Честное слово, не худший вариант. Между прочим, Анна так поднаторела во всевозможных финансовых тонкостях, что недрогнувшей рукой вычеркнула право производить обмен и покупать иностранную золотую и серебряную монету.

Это давало возможность получать значительную прибыль, так как валютные операции в Петербурге были очень выгодными. Иностранную монету приобретают весной, в момент прихода большого количества иностранных торговых судов, а затем, когда в город приезжают покупатели валюты, в том числе из Москвы, можно выгодно продать. Это осталось привилегией позже открывшегося Государственного банка.

В любом случае, основной капитал, состоявший из моих и Шадринского семейства семисот пятидесяти тысяч рублей, под конец царствования Анны Карловны достиг шести миллионов. Не только ссуды под имения, дома и фабрики выдавал мой карманный банк, но и имел по высочайшему указу права на учет векселей, прием вкладов на хранение и совершения переводов. Русским купцам, торговавшим при Санкт-Петербургском порту, под залог товаров в размере семидесяти пяти процентов их стоимости сроком до одного го-

да. Трансферты денежных вкладов, учет векселей. Кредиты под шесть – восемь процентов, даже крестьянам выдавали на срочные нужды небольшие суммы (рублей двадцать – тридцать) под те же шесть процентов. Самое важное – за вклады владельцы получали до четырех процентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.